

*№
Републиканска
Библиотека*

**Георгий
КУСУРГАШЕВ**

**ПРИЗРАКИ
КОЛЫМСКОГО ЗОЛОТА**

**Георгий
КУСУРГАШЕВ**

**ПРИЗРАКИ
КОЛЫМСКОГО ЗОЛОТА**

Воспоминания

**Мыски
2010**

ББК 84.2 Рос 6
К 94

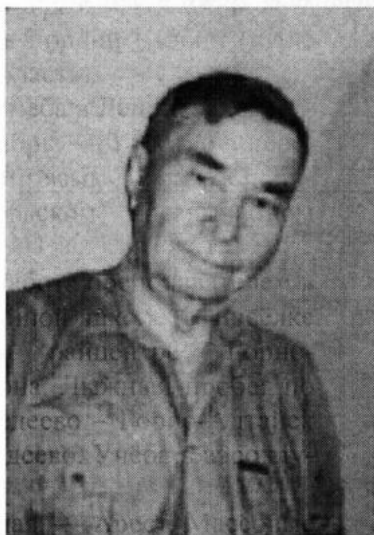

КУСУРГАШЕВ, Георгий Дмитриевич

Призраки колымского золота: Воспоминания / Предисл. Р. Гостева, Э. Ефремова. – Мыски, 2010. – 96 с.

В ваших руках – переиздание книги **«Кусургашев Г. Д. Призраки колымского золота / Предисл. Р. Гостева, Э. Ефремова. – Воронеж: ИПФ "Воронеж", 1995. – 93 с.»**, распечатанное при помощи компьютерной базы данных **"Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы"**, что составлена Музеем и общественным центром "Мир, прогресс, права человека" имени **Андрея Сахарова** при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID), Фонда Джексона (США), Фонда Сахарова (США). Адрес Музея и центра: 105120, г. Москва, Земляной вал, 57/6. Тел.: (495) 623 4115; факс: (495) 917 2653; e-mail: secretary@sakharov-center.ru <http://www.sakharov-museum.ru>

ОБ АВТОРЕ

1915, 15 апреля. — Родился в улусе Акколь в Горной Шории (ныне Кемеровская область).

1935. — Учёба в Ленинграде.

1936, декабрь. — Участие в переводе на шорский язык доклада Сталина на декабрьском чрезвычайном съезде Советов.

1937. — Работа преподавателем в советско-партийной школе в посёлке Кузедеево — райцентре Горно-Шорского района. Лыжный пробег по маршруту Кузедеево — Горно-Алтайск — Бийск — Кузедеево. Учёба в аэроклубе.

1937, 19 Мах. — Арест. Массовые аресты в посёлке. Доставка арестованных в Сталинск (Новокузнецк). Камеры предварительного заключения при горотделе НКВД. Тюремный режим. Следствие.

1937—1945. — Перевод в Старокузнецкую тюрьму. Формирование этапа из 80 человек (42 шорца). Объявление в Мариинске приговора Особого Совещания при НКВД: 8 лет ИТЛ (ст. 58-10). Иркутская и Владивостокская пересылки. Доставка заключённых в Магадан на теплоходе «Кулу». Распределение на прииск «Штурмовой». Работа в забое по добыче золота, в плотницкой бригаде, кузнецом, на лесосплаве. Перевод в посёлок Ягодный — центр дорожного управления Колымы. Строительство гидроэлектростанции на прииске Дженгала.

1945, март — Продление срока заключения до окончания войны, затем до особого распоряжения назначение заведующим хлебной каптёркой.

1946, 29 марта — 1953, январь. — Освобождение. Направление комендантом посёлка прииска «Пятилетка». Окончание заочно двухгодичных курсов при Московском финансовом институте и финан-

сового техникума. Работа финансистом, затем начальником строительного цеха прииска «Спокойный» (1949–1953).

1952. — Постановление Особого Совещания при МГБ СССР о ссылке по особому распоряжению.

1954, 7 сентября. — Освобождение.

1954, конец – 1977. — Работа на финансово-экономических должностях на приисках Ягодинского горно-обогатительного комбината, начальником финансового отдела Теньковского и Билибинского горно-обогатительного комбинатов, начальником планового отдела Билибинской атомной станции. Занятия народным творчеством, фотоискусством, охотой на побережье Ледовитого океана. Путешествия на самодельных лодках по всем главным рекам Чукотки и Колымы. Получение диплома II степени от Охотрыболовсоюза и журнала "Охота и охотничье хозяйство" за серию анималистических снимков, сделанных в этих путешествиях.

1955, весна. — Получение в Москве справки о полной реабилитации.

1977. — *Выход на пенсию. Переезд в Воронеж. Написание автобиографической поеести (20 машинописных страниц с рисунками). Опубликование глав из этой поеести в воронежских газетах и одной из районных газет Магаданской области. Создание серии рисунков "Колымская эпопея" (около 40 листов с пояснительным текстом).*

1987. — *Получение звания лауреата Всесоюзного фестиваля народного творчества в честь 70-летия СССР.*

** Сведения, выходящие за рамки воспоминаний, выделены курсивом*

МЫ БУДЕМ СЧАСТЛИВЫ

У sac в руках уникальная книга, написанная человеком редкой судьбы и редкостного дарования. Он на себе испытал все, что могла дать советская власть. Шорец Георгий Дмитриевич Кусургашев в революции 1917 года видит величайшее благо, сотворенное для многих малых народов России. Вчера забытые и обездоленные, они получили высшее образование и оказалось, что таланты с области науки, искусства есть и среди чукчей, якутов, киргизов, таджиков, казахов... Но революция стала причиной небывалого столкновения добра и Зла на территории многострадальной России. Осуществлением претворения в жизнь многовековых чаяний Об утверждении в обществе идей свободы, равенства и братства были заражены многие представители интеллигенции. Многие лучшие умы России и иностранных держав приняли Революцию. Но эти люди были в области политики наивны и доверчивы. Власть пришла к тем, кто устроил геноцид собственному народу, — дабы народ не успел осознать, что он обманут. Светлые идеи пробили дорогу к власти черным силам. Теперь за ними — черные дела.

Георгий Кусургашев, который переводил на шорский язык произведения Сталина, был арестован с сорока другими земляками, только что получившими высшее образование и заявившими о себе ярко на поприще науки, в области дипломатии, искусства. После концлагерей Колымы 6 живых остался из шорских «врагов народа» только один Кусургашев.

Будучи в ссылке, он sep наблюдения, делал записки. Им первым составлено описание птиц и животного мира Чукотки. Он подготовил, но так и не смог выпустить альбом фотографий природы края, который стал для него на сорок лет тюрьмой (десять лет лагерей, десять — ссылка и двадцать — работа на свободе в тех х е тестах). До него в науке считалось, что на Камчатке нет горных баранов. Доказал, что есть. Трое суток с фотоаппаратом «охотился» в горах за редкостным животным — снимок обошел многие столичные издания. За эту работу был удостоен Всесоюзной премии фотомастеров. Он среди первых подал голос против ученых, неверно трактовавших роль волка в среде его обитания...

Георгий Дмитриевич — мастер, режущий по бивню мамонта. Неповторимость его мастерства в том, что никто еще в таком материале не давал историю трагедии Колымы...

...Мы предоставляем возможность познакомиться с его главным трудом — воспоминаниями. В них мы видим честного и порядочного человека, у которого советская власть отняла лучшие годы жизни. Но нет в его строках злобы, мести, стремления преувеличить пережитое. Он суров и правдив. В одиночку составил против многих, прославившихся на «лагерной» теме. Он развенчивает Солженицына. Один из нас был свидетелем, как, будучи в Воронеже, Александр Исаевич отказался от встречи с Кусургашевым. Аргументы отказа были «весомы»: «Лагерную тему я для себя завершил, да и к тому же у нас с вами на нее разные взгляды». Кусургашев, бывший политзек, с фактами в руках доказал, что в освещении писателем тех мест, где пребывал он, излишня ложь. Возможно, писавший надеялся, что никогда не будут открыты архивы КГБ, никто из бывших заключенных не доживет до тех времен, когда кто-то даст им самим сказать слово правды о себе.

Георгий Дмитриевич большой специалист по добыче золота. И как практик (мыл золотишко собственными руками), и как теоретик — его экономические выкладки о прошлом и будущем состоянии золотого запаса страны представляют большой интерес не только любознательным, но и специалистам.

...Зачем в пример брать подвиг жен декабристов, последовавших в Сибирь за своими мужьями, — история любви Георгия Дмитриевича и Веры Степановны более драматична. Вы об этом прочитаете скупые строки воспоминаний. Узнав, что Вера Степановна вышла замуж за «врага народа», отказались от нее родственники. Она пошла вслед за мужем в ссылку, рискуя жизнью ребенка... Уто он мог сказать жене, чем утешить? Одно говорил: «Запомни, придет время — мы будем счастливы рассказывать людям о пережитом, и нам будут завидовать».

«Мы будем счастливы» — под этим названием Свердловкино студия документальных фильмов сняла о них ленту. Внуки Кусургашевых живут в Магадане и наезжают в гости, но до сих пор считают — лучшее место для жизни их родина. Колыма.

Р. Гостев,
доктор исторических наук, профессор, депутат Гос. Думы;
З. Ефремов,
собственный корреспондент газеты «Россия».

АРЕСТ

День был обычный: занятия со студентами, совещание, беседа... Вернулись в свою обитель, совсем не предназначенную для нормальной жизни. С недавно прибывшим из Московского педагогического института имени Карпа Либкнехта Иваном Николаевичем Панкратовым жили в военно-физкультурном кабинете педагогического техникума. Это помещение даже и кабинетом-то назвать нельзя было. Скорее всего, кладовая, где беспорядочно свален всякий инвентарь: скамейки, малокалиберные винтовки... Среди этого хаоса стояли две железные койки, на которых мы ночевали.

Поселок Кузедеево, новый райцентр Горно-Шорского района, только начинал обретать облик административного центра. В первую очередь создавались условия для разных советских, партийных, комсомольских, правовых организаций и их служащих. Квартиры им — в первую очередь. В только что выстроенном здании педагогического техникума размещалась советско-партийная школа. Педагогический персонал жил на частных квартирах. Нам, двоим одиноким парням, предоставили кладовую-кабинет. Живите! У нас претензий не было. Весь день в суете — нужно было только место для ночлега.

Я радовался за свою Горную Шорию. Обрели национальную самостоятельность. Народ стал стремиться к образованию, культуре. Шорская молодежь направлялась на учебу в вузы и техникумы Москвы, Ленинграда, Томска. Все обучались на полном государственном обеспечении. В 1936 году более ста шорцев были студентами. Многие окончили средние специальные заведения и работали на руководящих работах в партийных и советских органах района.

Мы жили пафосом возрождения, ожиданием еще лучшего прекрасного будущего. Радовались мы, молодежь. Роптали старики. Освоение края шло без учета жизненного уклада, сформировавшегося веками. Разработка месторождений угля, железа, вырубка кедра, сосны, пихты, ели дали о себе знать. Вырубили кедр — ушла белка, а не стало белки — исчез соболь. Исчезали растения, являвшиеся питанием коренных шорцев. Не стало кандыка, колбы, саранки, пучка, дикого лука... Шорцы оставляли древние поселения и уходили вглубь тайги. Исчезали деревни. Происходили события, которые

трудно вписывались в радостные гимны победоносного шествия социалистического преобразования общества.

Газеты информировали о том, что за блок коммунистов и беспартийных на выборах принимало участие сто процентов населения. Голосовали всюду единогласно. И в этом предельном единстве вдруг разоблачались огромные контрреволюционные центры, борющиеся за свержение существующего строя. Газеты и журналы подробно освещали все судебные процессы над врагами народа. Прославлялись чекисты за бдительность и верность идеалам партии и народа. Расстрелы, заключения на длительные сроки... Но нас все это не касалось. Это было где-то далеко. В центре.

И вот коснулось. Был обычный вечер 19 мая 1937 года. Часов в одиннадцать мм с соседом заснули. Сон прервал громкий стук. Мой сосед проснулся первым и открыл дверь. Вошли трое: двое в военной форме и наш техникумовский дворник дед Филипп. Я лежал на койке и особого интереса к вошедшим не проявил. Но один из военных назвал мою фамилию и спросил: есть ли тут такой? Иван Николаевич показал на меня. Мон, здесь. Пришлось мне подняться и спросить:

— В чем дело?

Военный представился:

— Сержант государственной безопасности Лукин.

Строгим тоном приказал отойти от постели и одежды. Лукин предъявил мне ордер на обыск и арест. Второй военный взял мои брюки и пиджак, выложил из карманов содержимое. Все внимательно изучил, а затем все отдал мне. Приказал одеваться. Обыскали кабинет. Взяли из пирамиды одиннадцать штук малокалиберных винтовок. Взяли и учебную винтовку образца 1891 года, разрезанную пополам, — учебное пособие. Стали составлять протокол обыска. Записали номера и даты выпуска винтовок. Осмотрели бегло книги. Затем пригласили меня подписать протокол обыска. Я стал отказываться, ссылаясь на то, что никакого отношения к этому оружию не имею. Особенно меня возмущало занесение в протокол разрезанной винтовки. Стали убеждать, что речь идет всего-навсего о проверке хранения учебного оружия. Я сдался и протокол подписал. Винтовки связали в связки по четыре штуки и предложили одну связку нести мне. Я отказался. Сами вынуждены были нести. Привели в райотдел НКВД и поместили в маленькую комнатку. К двери приставили де-

журить милиционера. Арестовавшие меня ушли, а работники райотдела еще не пришли. Положение мое было совершенно непонятным. Вспомнил все разговоры, встречи — ничего особенного. Успокоил себя тем, что время сложное, всякие недоразумения могут быть. Со спокойной совестью лег досыпать.

Настало утро. Я предложил милиционеру сходить в столовую позавтракать. Он согласился, и мы пошли. Позавтракали. Многие знакомые меня видели. Подходили ко мне, здоровались, разговаривали со мной. Никаких ни у кого подозрений не было по поводу того, что со мной что-то неладно. В том, что я под конвоем, знал только я — знакомые не догадывались. Так прошел первый подневольный завтрак. Когда пришли обратно, то начальник райотдела Морозов набросился с нецензурной бранью на милиционера за то, что он водил меня на завтрак. Пока я завтракал, мою комнату засадили. Оказывается, ночью была облава, массовые аресты. К полудню открыли замок и вывели всех во двор. Нас ждало несколько упряжек лошадей. Рассадили по телегам и с охраной повезли на железнодорожную станцию Аил, на поезд. Рассадили в купированные вагоны. Мы оказались в окружении огромного количества работников НКВД. Предупредили: никаких вопросов не задавать, не разговаривать. Повезли нас в город Сталинск (Новокузнецк).

ДОМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Горотдел НКВД располагался в первом доме Сталинска. Этот дом был построен первым при основании города. На первом этаже размещались камеры для подследственных заключенных. Всего камер было одиннадцать. Меня привели в дежурную комнату, где заставили снять верхнюю одежду, которую тщательно обыскали. Деньги, галстук, ремень изъяли. Выписали квитанцию на деньги...

Водворили в восьмую камеру, большую комнату с нормальными окнами. Если бы не железные решетки на окнах, — ничего тюремного. Железные койки, деревянный стол, два стула со спинками, одна табуретка. Обитатели без энтузиазма восприняли мое появление, указали, на свободную койку, на которой я и расположился. Видно, люди здесь обосновались давно. Начали меня расспрашивать: кто, откуда, за что? Я тоже стал задавать вопросы. Оказалось, что все

находятся под следствием по различным пунктам пятьдесят восьмой статьи уголовного кодекса...

Через некоторое время вздрогнул от непривычного лязга железных дверных запоров. Это дежурный открывал замки и щеколды, чтобы впустить в камеру подследственного после допроса. Вошедший был мужчина высокого роста, лет пятидесяти. Осмотревшись, поздоровался со мной. Прошелся по камере и сел за стол. Через некоторое время вновь открылась дверь и вызвали на допрос Ушакова... Сидевший за столом заговорил. Он сообщил, что ознакомился с материалами следствия и подписал протокол об окончании следствия. Сказал, что повезут в Новосибирск на очную ставку с неким Ежборовским, который задержан при переходе Маньчжурской границы. Мужчина, оказывается, тоже был японским шпионом. Он отбывал уже десятилетний срок в Бамлаге, из которого бежал. К вечеру его вызвали с вещами, а на его место привели забойщика Кирсанова из Осинниковской шахты.

Жизнь в камере для меня была интересной: все как-то, разворачивалось быстро, но без суеты. Одних вызывали и уводили на допрос, других отправляли по этапу, третьих приводили сюда впервой. Вечером принесли баланду. Мне и Кирсанову выдали хлебные пайки. Остальные хлеб получали утром, так что им налили только по тарелке супа. Хлеб выдавали на день по 600 граммов. Суп давали три раза в день. Качество — нормальное. Говорили, что его приносят из соседней рабочей столовой. Никаких свиданий, передач в КПЗ не разрешалось. Утром и вечером — посещение туалета. Днем — двадцатиминутная прогулка. В туалете обратил внимание на надписи, сделанные гвоздем: «Пришедший — не горюй, уходящий — не радуйся», «Кто тут не был, тот побудет, а кто побудет — не забудет»... Словом, всюду новое, непривычное. Порой хотелось ущипнуть себя — уж не сон ли это? Что же произошло? В чем дело? За что? По какому праву?

День проигнорирован. Все осталось в неизвестности. Ночь была бессонной. Я уже чувствовал себя измотанным. Под утро уснул, но сквозь сон слышал постоянное лязганье запоров — на допросы уводили по конвейеру.

Утро. Завтрак. Хлеб выдали неразрезанный — одним куском на всех. Кравцов вытащил нож, сделанный из тонкого железа. Прикинул опытным взглядом — быстро разрезал кусок на пайки. Вскоре

понял, что немаловажное значение здесь придается горбушке. По заведенному обычаю в лагерях и тюрьмах горбушки выделяются по очереди или их разыгрывают. Или еще говорят: «Горбушку надо раскричать». Один отворачивается, другой указывает рукой на пайку и спрашивает: «Кому?». Отвернувшийся называет одну из фамилий участников дележа. Дали по черпаку овсяной каши. Я был относительно сыт, поэтому решил половину пайки оставить на обед. Но сделать это оказалось непросто. Не было места, куда ее можно было бы положить. Один из старожилов посмотрел на меня и сказал: ((Надежнее желудка ты здесь места не найдешь. Но не волнуйся — завтра у тебя такой проблемы уже не будет».

Лязгнули двери, и была названа моя фамилия. Я вышел. Надзиратель предупредил, что вне камеры заключенный должен всегда руки держать за спиной. Подошли к кабинету. Дежурный сам открыл передо мной дверь.

За столом сидел мужчина средних лет. Попросили сесть на табуретку. Мужчина представился:

— Следователь Габидулин.

Предупредил, чтобы я внимательно слушал вопросы протокола-анкеты и давал точные ответы. Ответил на все вопросы, расписался. Следователь вынул из папки лист и зачитал: «Объявляется обвинительное постановление». Я обвинялся в участии в контрреволюционной террористической националистической организации, имевшей целью свержение советской власти, установление капиталистического строя. Подал мне ручку и показал, где надо расписаться. Ничего не понимая, подписал. Я был в оцепенении. В ужасе! Меня лихорадило. Я потерял контроль над собой. Следователь подал стакан воды. Выпил. Стало легче. Вошел надзиратель и увел меня в камеру. Наверное, вид у меня был особенный, так как меня обступили. Только через некоторое время стал понимать, что одни успокаивают, другие задают вопросы. Я стал рассказывать и закончил словами: «Чушь. Я никогда ни в каких организациях не состоял». Кравцов положил руку на мое плечо и сказал: «Запомни, со вчерашнего дня ты арестант. Впредь будь внимательнее и бдительнее. Это не чушь, а серьезное обвинение, за которое, в лучшем случае, получишь срок, а в худшем...»

Как это — я получу срок?! Я ни в чем не виноват. Надо же обвинение подтвердить доказательствами. Ведь на восьмом съезде Со-

ветов мм приняли сталинскую конституцию, где черным по белому написано: «Презумпция невиновности принадлежит только суду».

...Во второй половине дня меня опять привели к следователю.

— Итак, начнем серьезный разговор. Думаю, что вы без всякого запирательства расскажете все сами... Где, когда, кем вы были завербованы в контрреволюционную организацию? Каие цели и задачи перед вами ставились? Должен предупредить, что эти данные у нас есть. Хочется, чтобы вы сами во всем чистосердечно признались. Обещаю — это вам зачтется при определении вашей дальнейшей судьбы.

Он любовался своей новенькой формой. Часто оглядывал себя, время от времени поправлял рукава гимнастерки. Держался самодовольно, надменно, демонстрируя свое превосходство — как хищник над поверженной жертвой. Я начал говорить о том, что на в какой организации не состоял; что тут какое-то недоразумение, а мне нечего рассказывать.

— Расскажите. Кстати, не напирайте на то, что вы комсомолец.

Достал аз стола мой комсомольский билет, разорвал его а бросил в урну:

— Больше он вам не понадобится. Вы — заклятый враг народа. Итак, повторяю свои вопросы...

Я молчал.

— Хорошо. Тогда наводящие вопросы. Каким образом в вашей квартире оказались винтовки? Для чего они предназначались?

Я стал говорить, что это винтовки учебные. И не на квартире они были, а в кабинете военно-физкультурном...

— Сказки кому-нибудь расскажите... У вас на квартире комплектовалось оружие для всей организации...

Я стал настаивать на своем. Следователь с силой стукнул кулаком по столу:

— Врешь, сволочь! Я тебя заставлю на луне боярку караулить! Не такие, как ты, кололись!

В это время вошел в кабинет пожилой мужчина. Это был старший следователь горотдела капитан Барышев.

— Как, вы не раскололся? — спокойно обратился к Габидулину.

— Запирается. Он хочет, чтобы я вынул его душу а посмотрел на свет.

— Кому хотели передать Горную Шорию? — обратился ко мне капитан. — Ах, не желаете разговаривать. Ничего, заговорите. Но беда в том, что заговорите, да будет поздно. Вас можно расстрелять без следствия. Изъят целый арсенал боевого оружия.

Капитан улыбнулся:

— Я привезу твоих мамашу с папашей, и когда они посидят у меня в деревянном мешке, то собственными руками тебя задушат. Тоже мне — потомок Чингисхана. Ты будешь очень интересный контрреволюционер. Будешь публично выступать, просить прощения у народа. Народ потребует твоей публичной казни. Время пока есть — подумай!

Он ушел. Следователь с бранью, опять набросился на меня. В ответ я спокойно сказал, что прошу встречи с начальником городского отдела НКВД — буду жаловаться.

— Все жалобы в письменной форме через меня.

Габидулин дал мне бумагу и ручку. Сказал фамилию начальника — майор Ровинский. Я написал всего несколько слов — просьбу принять меня лично. Следователь поднял трубку телефона. Не прошло и минуты, как в кабинет вошел майор Ровинский. Мы остались с ним наедине:

— Слушаю.

— Я ни в чем не виноват, а меня не только безо всяких оснований обвиняют, но обращаются, как с деклассированным уголовником — угрожают расстрелом, называют врагом народа, грубят, употребляют нецензурные выражения.

— Ваша вина давно доказана. Есть неопровержимые доказательства. Так что вы и есть уголовник. Изволите вас называть другом народа? Мои следователи высоко несут гуманные традиции прославленных чекистов, неоднократно отмечены правительственными наградами. Чистосердечное признание — и вы быстрее вернетесь в трудовую семью советских людей.

Нажал кнопку. Пришел надзиратель и увел меня в камеру.

...Становилось страшно. Дело обретало неожиданный оборот. Вспомнил слова капитана о родителях. От такой угрозы становилось не по себе. Мои родители, всю жизнь прожившие в глухой тайге, не знавшие никаких контактов с властями, могут пострадать из-за МЕНЯ?! Я был в тупике.

Ради родителей, чтобы быть поближе к ним, я оставил в Ленинграде заманчивую карьеру на пути в большую науку.

МАЛАЯ РОДИНА

В тюрьме становишься философом. Как понять: пришел, с одной стороны, замечательный строй, позволивший мне, многим другим шорцам, получить высшее образование. Учился на полном государственном обеспечении. Открывались горизонты счастья. В один миг — все перечеркнуто. Оказывается, я был бы по-настоящему счастлив, если бы жил в тайге, занимался охотой, рыболовством — вечным трудом моих предков. Жил бы в среде мудрых и добрых людей, умеющих трудиться, праздновать. Природа и ее дети мудры и праведны. Азы познания жизни дают стройную философскую систему, без которой не выжить. А какая система здесь? Все, приобретенное жизненным опытом, учебой, работой, становится никчемным. Неотесанные, нахальные держиморды, как капитан Барышев, не дадут жить ни по законам тайги, ни по законам высшего человеческого общества.

... Меня утешали воспоминания не только в первые дни заключения. Малая родина дает неизмеримую энергию жизни. Я родился в улусе Акколь, что на берегу таежной реки Томь. Жалкие деревянные избенки. Жило в Акколе около пятнадцати семей. Вечная бедность и нужда.

Важно одно: природа и человек здесь понимали друг друга. Зимой, с установлением дорог, санными обозами нескончаемым потоком шли от нас кедровые орехи, мед, пушнина. Дары тайги принимали Томск, Кузнецк, Новониколаевск...

Нам улус располагался на главной дорожной магистрали — при схождении рек Томи и Мрассы. Два раза в год мы подвергались наводнениям — в период ледохода и во время таяния снегов. Отец мой был потомственный рыбак. Существования без рыбы я не могу представить и по сей день. Рыбой мы питались круглый год. Заготавливали впрок для продажи на ярмарке в Кузнецке, на которую приплывали на долбленых лодках.

На широкой речной косе под Кузнецком шорцы устанавливали свои берестяные балаганы, разжигали костры, и начиналась торговля... После ярмарки лодка, груженная купленным товаром, на шес-

Так уходила вверх, домой, преодолевая пороги и перекаты. Так приходили в улус радости и новости городской жизни.

К матери-природе относились, как к божеству. В знак благодарности совершали таинство жертвоприношения лесным, речным и горным духам. Мы, молодежь, не имели права пойти в кедровые рощи за орехами, пока старики не убедятся в их зрелости. Никому не позволялось рвать цветы.

Революция принесла иные порядки. Индустриализация и коллективизация пришли и к нам. Частыми гостями стали в Горной Шории геологи, биологи, этнографы, лесоводы... Появились шахты, леспромхозы, разные управления, учреждения. Тайга зарычала тракторами, лесопилками, заводскими гудками. Лавиной хлынул люд с топорами и лопатами, вгрызаясь в горы и долины в поисках железа, угля, золота и всякой полезной всячины.

Мой отец так впервые приобщился к цивилизации. Поехал в 1929 году на ярмарку. Продал то, что заготовил на зиму. Зашел в Магазин, чтобы купить товар. И в магазине у него жулики из кармана вытащили деньги. Вернувшись домой, он никак не мог объяснить случившееся. Он недоумевал, как можно так жестоко относиться к человеку?! ЕТО труду? Начиналась новая жизнь: беспощадная, бездуховная, основанная на насилии и беззаконии.

Второй удар по семье пришелся несколько позже. Организовывались колхозы. Мой отец уже был стар. Но его заставили вступить в колхоз. Всю скотину свою он свел на колхозный двор. Я приехал из Ленинграда домой в 1935 году. Свое подворье не узнал. Некогда у нас было много всякой скотины. Особенно мы гордились замечательными лошадьми...

Вот теперь и людей, как скотину, сгоняют в одно, по всей видимости, ужасное место...

...Ночью проснулся. Напротив сидел в сером пиджаке старый татарин. Он стонал и повторял одно и то же: «Где же правда? Уто же это делается?» Парикмахер. Взят за антисоветскую пропаганду. А вот не спит поляк Грабовский. Работал в одной из шахт Прокопьевска запальщиком. Арестовали ночью, когда шел с работы домой. Этот знает, за что взят. В 1910 году с братом в Варшаве убили жандармского осведомителя. Брата повесили, а его как несовершеннолетнего приговорили к двенадцати годам каторжных работ. Отбыл назначенное под Иркутском. На его ногах остались рубцы от канда-

лов. Мы заслушивались его рассказами. Все было, как у Достоевского в Записках из мертвого дома. Я восхищался: как можно пройти такое и остаться безукоризненно честным, справедливым. Один только пример.

Комиссия обнаружила в камере нож, которым мы резали хлеб. За сокрытие холодного оружия полагалось наказание. На вопрос: «Чей нож?» — никто не ответил. Приказом коменданта все обитатели камеры оштрафовывались на двадцать суток. То есть полностью лишались прогулок. И хлебная пайка с 600 граммов понижалась до четырехсот. Грабовский в это время был на допросе. Когда вернулся и узнал о случившемся, то вызвал надзирателя и заявил, что нож принадлежал ему. Добился отмены приказа, всю ответственность взял на себя.

...В камеру поместили хулигана, которому мы в море были благодарны за то, что у него в фуражке была газетная прокладка с докладом Сталина на пленуме ЦК ВКП(б). Речь шла о беспощадной борьбе с врагами Нарога, со шпионами, которыми страна просто-напросто наводнена. Мы поняли, что докладом этим выдан вексель на беззаконие и произвол...

...Меня на допросы водили два раза в сутки. Вопросы одни и те же. Абстрактные обвинения без каких-либо доказательств. И я задал вопрос:

— Гражданин следователь, почему вы мне не предъявляете доказательства содеянных мною преступлений?

И вдруг он заявил:

— Не только предъявлю, но перед вами вереницей пойдут свидетели на очной ставке и будут вам плевать в лицо. Вы, может, скажете, что и доклад Сталина не сжигали?

— Не сжигал.

И тут Габидулин выбросил свой главный козырь...

После декабрьского (1936 г.) чрезвычайного съезда Советов, на котором была принята сталинская конституция, было решено перевести на шорский язык доклад Сталина на съезде. Я был одним из авторов перевода. Мне поручили выехать в Новосибирск, чтобы срочно отпечатать там пять тысяч экземпляров доклада на шорском языке. Когда дело было сделано, я вдруг обнаружил в тексте заговоренный текст. Перестановка фраз создавала бессмыслицу. Удивительного в случившемся ничего не было. Дело в том, что все работники типо-

графии были русскими, а шрифт латинизированный, язык шорский... Можно представить, с какими мучениями шел набор текста. Обнаружив ошибку, я задумался. Знал, что труд никто читать не будет, потому что все шорцы с детства учились на русском языке. Если кто и вздумает познакомиться с докладом, то прочтает на русском языке. И черт меня дернул посоветоваться с главным редактором Западно-Сибирского краевого издательства Гольдбергом. Не раздумывая, он дал указание весь тираж сжечь, исправить набор и отпечатать все заново. Вечером в гостинице я встретился с заведующим Горно-Шорским районным отделом образования Павлом Степановичем Гуриновым. Он поинтересовался, почему я задерживаюсь здесь. Я рассказал все, как было. И вот факт уничтожения тиража сталинского доклада стал достоянием компетентных органов...

Еще один момент. Меня выдвигали в состав бюро райкома. Вдруг встал второй секретарь райкома партии Сизов.

— В Ленинграде, где учился Кусургашев, была арестована за контрреволюционную деятельность группа студентов. Товарищ Кусургашев, находясь в непосредственном общении с ними, не проявил достаточной бдительности и не разоблачил негодяев. Поэтому его кандидатуру требую снять.

И это на следствии припомнили.

...Бывал и черный юмор. Вот какая штука произошла с мастером Ремстройтреста из Осннников Ушаковым. Он был у следователя всего два раза. Первый раз вызвали для объявления обвинения, а второй раз на подписание ранее заготовленного протокола допроса. Своей подписью он подтвердил одно: да, работал в ОКР. Думал, что аббревиатура расшифровывалась так: отдел капитального ремонта. Оказалось, что следователи подразумевали организацию контрреволюционную... В 1945 году я его встретил на Колыме. Он был уже инвалидом.

...Полночь. Очередной вызов. Габидулин объявил:

— Гоша, на этом закончим с тобой следствие. Будешь сидеть до подписания протокола, который нужен нам. Это в твоих интересах...

Он не кричал, не оскорблял меня. Я ждал худшего: побоев, пыток. Я к этому готовил свой организм. Я был молод, здоров. В январе я во главе группы из десяти человек совершил лыжный пробег по маршруту Кузедеево — Горно-Алтайск — Бийск — Кузедеево. Протяженность — 706 километров. Учился в аэроклубе. Осваивал само-

лет У-2... Но пыток и побоев не было. Я просидел на табуретке до утра. Менялись следователи, а я сидел и сидел. Прошло тридцать часов. Вернулся Габидулин:

— Итак, подпишем?

Я прочитал написанное и сел обратно на табуретку:

— Никогда не подпишу. Клевета.

Габидулин вызвал надзирателя и дал указание установить за мной постоянное наблюдение — спать не давать. Я попросил у надзирателя одно: разрешить мне ходить по камере. Разрешил. Я накинул шинель, поднял воротник и стал вышагивать. Через каждые минут десять—пятнадцать открывался глазок камеры. И я придумал! Попросил сокамерника накинуть шинель и походить по камере вместо меня. Не знаю сколько, но мне удалось поспать.

На допросе Габидулин набросился на надзирателя: как он допустил, что я выспался? Опять камера. И про меня забыли. Оказывается, прошла новая лавина арестов, и аппарат просто не успевал с нами справляться.

Придя в себя, обратил внимание на пожилого новичка. Это был Алексей Петрович Пронин, в прошлом — секретарь Мордовского обкома ВКП(б). Принимал активное участие в партийных дискуссиях, подписывал оппозиционный документ в числе восьмидесяти трех. Когда Пронин находился на допросе у капитана Барышева, вошел следователь Сивцов, которого Пронин знал по совместной работе, когда был секретарем обкома. Поднялся с табуретки и протянул руку своему старому знакомому. Когда Сивцов быстро вышел, то капитан задал вопрос:

— Откуда вы знаете нашего сотрудника?

На третий день Пронин уже был вызван на допрос в качестве свидетеля по обвинению Сивцова в связях с участниками контрреволюционного заговора...

СТАРОКУЗНЕЦКАЯ ТЮРЬМА

Посадили в кузов грузовой машины. Сели два охранника с огромной овчаркой. Поехали в Старокузнецкую тюрьму. Поселили в камеру, где уже сидел бывший кулак. Затем перевели в другую камеру: параша прикована к стене, ножи койки зацементированы в бетонный пол. Маленькое окошечко. Полутемно. Одиночка. Волчок

постоянно открыт. По диагонали шесть шагов. Двигаться можно. Главное, без паники. Вскоре узнал, что эта одиночка предназначалась для приговоренных к смертной казни. Двадцать дней отсидел здесь на скудном пайке. Без прогулок, безо всякой информации. Затем все же вызвали на допрос. Следователь Лукин сказал:

— Может, закончим заперательство? Иначе переведем в другую камеру. Там девяносто человек рецидивистов. Они из вас, мальчика, женщину сделают. Я с вами больше цацкаться не буду...

Наступило начало конца. Мне эта следственная новинка не нравилась. Но я вновь отказался от подписи. И меня отвели в обещанную камеру.

...Из дальнего угла ко мне направился рослый парень в майке. Тепло все в татуировке.

— Юрок (жаргонное слово, означающее — нерусский)! Из шестой камеры, что ли? Что, отменили вышку?

Я ответил, что приговора еще не было. Сидел в шестой по указанию следователя. В складках пальто у меня было тридцать рублей. Я их вытащил и протянул парню:

— Я на штрафном пайке. Может, в буфете можно что-нибудь купить для меня?

Парень взял деньги, подвел к койке около двери:

— Располагайся.

Кто-то дал кусок хлеба, кто-то — кусок сахара. Здесь была настоящая тюрьма. Государство в государстве. Здесь хозяева не карательные органы, а сами зеки. Здесь свои законы, своя иерархическая лестница. Есть рабы, палачи. Нравственность и мораль тут вывернуты наизнанку. Здесь школа грабителей, воров и бандитов. Здесь — дно. Если когда-либо человеку удастся живым всплыть на поверхность, то жизнь в миру ему долго будет казаться сном.

Меня спасло то, что пришел из камеры смертников. Спасло, что я с уважением отнесся ко всему тому новому, чем жила камера. Моего здесь ничего нет. Поэтому надо и жить по законам обитающих здесь.

Целый день тут играли в карты, дрались, обменивались опытом грабежа и насилия. Потрясали татуировки на телах. Выставка шедевров! Запомнился такой текст: «Прошлое меня обмануло, настоящее терзает, будущее ужасает». Особое место занимала игра в карты. Игра серьезная и жестокая. Проиграл — плати. Нечем? Отдавайся на

милость победителю. Играют на все: вещи, пайки, табак, одежду. Бывает так, что впускают в камеру новичка, а одежда его уже проиграна...

...На мои деньги мне кое-что купили. Была попытка проиграть мою одежду, но главарь запретил. Больше ко мне никто не приста-
Ван.

Прошло несколько дней. Меня вызвали на очную ставку. Встретились с Гуриновым, который подтвердил, что я сжег тираж с докладом Сталина. Я взорвался:

— Павел Степанович, я убедился, что вы секретный сотрудник НКВД, но нельзя давать ложные показания! Я могу донести на вас, что вы организатор контрреволюционного заговора... Если вы попадете в тюрьму, то все будут знать, что по вашим доносам сидят невинные люди. Вас бандиты изнасилуют и повесят... Следователь грубо оборвал мой монолог. Написал в протоколе, что я отказываюсь ставить подпись... Мет увели.

Я пришел в камеру, когда в ней готовился дерзкий побег. Ночами рыли подкоп. И вдруг — инвентаризация. Пришла комиссия. Пересчитали одеяла. Одного недостает. Вновь пересчитали. Опять недостача. Тогда один из проверяющих подходит к лежащему в углу последнему одеялу, приподнимает его и... обнаруживает дыру.

Засвистели тревожно сирены, забегали по коридорам стрелки охраны. Нас всех под усиленным конвоем вывели на прогулку. Когда водворили обратно, дыра была забетонирована. Начались допросы с целью выявления зачинщиков. Их найти было невозможно. Это предательство, которое в камере каралось одним — смертью. Поэтому дело завершили быстро: вечером зачитали приказ о переводе камеры на штрафной режим сроком на один месяц... Главари, посоветовавшись, решили объявить голодовку. Попросили меня написать заявление. Все, кроме меня, подписали петицию. Мет от участия в голодовке освободили, объяснив, что мне могут предъявить дополнительные обвинения в организации голодовки.

...На другой день принесли всего одну пайку. Мне. Начальство не испугалось. Никто не приходил. Никто никого не уговаривал. К вечеру все пришли к решению требовать выдачи пищи. Я вызвал коменданта тюрьмы, от имени всех просил выдачи пайки. Так бесславно закончилась наша акция протеста. Меня перевели в другую камеру. Здесь блатных не было. В карты играли только на сахарок. В пять

дней раз выдавали двадцать граммов сахара на человека. Эта пайка почти ВСР разыгрывалась.

Особо изо всех выделялся Баландин, один из сподвижников Троцкого. Он был отличный рассказчик. Рассказывал нам детективные романы. Никаких, кланов или групп в камере не было. Обстановка — вполне нормальная. Установил связь с соседями по другим камерам — Напазаковым Алексеем и Кадыяковым Григорием. Переписывались с помощью тайников в туалете. Все были единодушны в надежде, на суде всё предъявленные обвинения отвергнем и будем освобождены...

...Неопределенность продлилась еще несколько дней. Затем надзиратель зачитал список заключенных по статье 58-й и приказал собираться с вещами, таковых оказалось восемьдесят человек. Вывели нас во двор тюрьмы, построили по четыре человека в ряд и объявили:

— Шаг вправо, шаг влево — считается побег. Стрельба открывается без предупреждения.

В этой колонне было сорок два моих земляка. Сорок два шорца.

Нас водворили в здание бани какого-то завода. Расположились прямо на полу. Поговорить было о чем. Шантажом и угрозами следователи заставляли оговаривать друг друга, пытками принуждали к даче показаний. Мой друг Гриша Кадыяков рассказал, что к нему пришла на свидание жена. Она была на последнем месяце беременности. Следователь Лукин пригласил ее в комнату и просил подождать. Привел Григория и подал ему на подпись протокол, в котором подтверждалось, что все мы, шорцы, были участниками контрреволюционной националистической организации. Гриша от подписи отказался. Тогда следователь привел его в комнату, где находилась его беременная жена:

— Если не подпишешь, то жену и тебя прикажу поместить во вторую камеру. Воры и бандиты на твоих глазах будут ее насиловать. Решай быстро.

С Григорием стало плохо. Потерял сознание. Очнувшись, подписал все, что было предложено.

ЭТАП

Никто не мог сказать, что происходит. В камерах становилось невыносимо тесно. Нескончаемый поток прибывающих размещали с большим трудом на трехэтажных нарах-стеллажах. Но вот в начале августа, в полночь, нас подняли и вывели во двор. Построили. И под конвоем повели. На всем пути, несмотря на ночное время, на дорогах и улицах стояли толпы народа. Выкрики имен, плач женщин и детей. Из толпы звали своих мужей, детей, отцов. На железнодорожной станции толпа попыталась пробиться к заключенным. Военные дали предупредительные выстрелы вверх. Быстро завершили погрузку в вагоны. Поезд помчался с предельной скоростью. Нас мотало, трясло. Везли не людей, а спешили на свалку избавиться от мусора. Прибыли в Мариинск. Вывели, построили. По документам передали лагерной охране Мариинска. Выкрикивается фамилия. Вызванный подходит к столу, его спрашивают: «Срок? Статья?» Подшедший отвечает: «Не знаю». Тут же объявляется срок. Вместо статьи для всех произносится «КРД» (контрреволюционная деятельность). Вот так все стало на своем месте. Оказывается, нас заочно уже осудили краевые «тройки» НКВД. Всем шорцам объявили по десять лет...

...В зоне было два отделения — мужское и женское. Здесь были люди не только из всех концов Союза, но и из разных стран. Коммунисты с дореволюционным стажем, бывшие секретари обкомов и крайкомов, директора крупных заводов, колхозники, бывшие кулаки, рабочие, священнослужители. Познакомился с журналистом «Известий», работавшим в Париже, публиковавшимся под псевдонимом Востоков. У него пять лет за контрреволюционную агитацию. Сошелся с нами восьмидесятилетний фармацевт, неоднократно отбывавший тюремное наказание при царе за свои большевистские убеждения.

ПРИЗРАКИ

Все ожидали со дня на день какого-то просветления, с которым придет справедливость, наше освобождение. Но мм, винтики построенной нами же машины социализма, оказались под колесами

этой же машины. Честный, ни в чем не повинный трудовой народ оказался в среде уголовников, бандитов, воров, проституток. Мир как бы встал вниз головой. Честные подчиняются преступникам. Они — в лагерной обслуге, руководстве и охране.

Пересыльный лагерь — приобщение к каторжному порядку к^и неписанным законам преступного мира. Здесь берут взятки за устройство тебя в будто бы благополучный лагерь. Здесь с тебя снимают более-менее годную одежду, давая взамен тряпье. Жаловаться некому. Какое общество построил, в таком живи к^и здравствуй...

...На Дальний Восток ехали долго. Запомнилась баня в Иркутске. Теснота в моечной образовалась такая, что от пара, духоты нечем было дышать. Тут скончалось несколько человек. Многие оказались в обморочном состоянии...

...Навстречу шли поезда тоже с человеческим материалом. Везли заключенных корейцев. Везли семьями — дети, женщины, старики. Их переселяли как потенциальных японских шпионов. Очищали Дальний Восток. После Иркутска стало ясно — путь наш на Колыму...

...Наш товарняк прибыл во Владивосток. Местность блокирована солдатами, вооруженными ручными и станковыми пулеметами на тачанках. С цепей рвались разъяренные собаки. Вот где стало страшно от безысходности и обреченности! Привели в настоящий арестантский город. Бараки вмещали до трехсот человек. Моим соседом по нарам оказался красивый парень из Турции. Любопытна его история. Родился он на Северном Кавказе. В гражданскую войну, когда ему было два года, его прихватил с собой на память о пребывании в России турецкий офицер. Стал учиться в школе, где изучали русский язык. В один из дней его тетка, сестра его отца, открыла ему тайну его появления в их семье. Открытие парня перевернуло. Он стал интересоваться Россией, происходящими в ней событиями. Созрела идея возвращения на родину... Его отец был большим пограничным начальником и в инспекционные поездки часто брал его с собой. Изучив хорошо район, сын с успехом перешел границу. Примен на советскую заставу и все о себе рассказал начальнику. Решением тройки его заслали в лагерь на десять лет за шпионаж.

Был здесь грек из Болгарии по фамилии Килисили. Бывший владелец судового ресторана. В Крыму влюбился в русскую девушку. Остался в Советском Союзе, женился. Через месяц арестовали...

Кстати, на Колыме он успешно работал заведующим столовой прииска имени Максима Горького.

...Народ талантлив и находчив. Удивлялся мастерам, которые из консервных банок изготавливали превосходные бритвы. Большинство же с успехом брились осколками стекла. Карманные зеркала изготавливали из медных пятак. Они были довольно внушительных размеров и пользовались большим спросом.

...Встретился здесь с профессором Шамиловым, который в Ленинградском университете преподавал персидский язык. На занятия он всегда приходил с орденом Красного Знамени, которым был за подвиги награжден в гражданскую войну. Оказалось, что во враги народа он попал за этот орден:

— Повел своего внука в фотографию. Когда посадили мальчишку на стул для съемки, он сказал, мне: «Дедушка, хочу сфотографироваться с орденом». Я снял орден и нацепил его внуку. Через несколько дней полученную фотографию вставил в рамку и повесил на видном месте. Кто-то донес... В итоге — пять лет.

...В палатке становилось тесно, а люд все прибывал и прибывал. Мы уже были пылью, отбросами. Но поскольку мы были еще живы, от нас надо было хоть что-то получить. И захотелось получить не что-нибудь, а золото. Мы ждали отправки на Колыму. Из вечной мерзлоты надо было извлечь драгоценный металл голыми руками. Без всякой техники. А самим лечь в эту мерзлоту трупами. Чтобы еще лучше и веселее стало жить всему советскому народу. Наши вожди были грамотными экономистами.

О наличии золота на Колыме, знали за двести лет до нашего прибытия сюда. Но никто из правителей России не решался на его добычу с использованием каторжного труда тысяч невинных соотечественников.

...На рейде стоял теплоход Кулу, океанский кабелеукладчик, купленный нашим правительством в Голландии для Дальстроя. Его переоборудовали для перевозки заключенных из Владивостока в Магадан. Это был его восьмой рейс по этому маршруту. Спустились в огромные трюмные камеры. Нары — в три этажа. Под лестницей громадные деревянные чаны — емкости для нечистот. На нарах можно было только лежать, но не сидеть. Пребывание в этом железном сундуке уже тяжелейшее испытание...

...Суровый нрав Севера мы почувствовали на третий день пути. Нам теплоход стало бросать, как игрушечную безделушку. Все люки задраены. Вентиляции нет. С нар людей отбрасывало в узкие проходы. Смерд, духота, зловоние от расплескавшихся нечистот, растекающихся по всему трюму. Такое описание ада не под силу и великому Данте. Смерть забирала одного за другим: умирали от удушья, захлебывались в нечистотах.

...Прибыли в бухту Нагаево. Закончился мучительный путь. И опять засветилась надежда: «Не может быть — здесь обязательно разберутся и восстановится справедливость к каждому из нас»... Мы поняли, что здесь нужна рабсила. Вот рабсилу и привезли. Теперь-то уж мы будем хотя бы здесь свободными. Мы счастливы были, что остались живыми. Просто блаженство ощутили в Магаданском пересыльном лагере — двухъярусные нары, относительная чистота. Выдали по пятьсот граммов хлеба, сытно накормили. Сводили в баню, выдали новое белье, одежду зимнюю: ватные брюки, телогрейку, бушлат, валенки, портянки, варежки, меховые шапки...

...К нашему прибытию Колыма была уже обжита. К 1937 году между сопками по тундре было проложено более двух тысяч километров дорог. Дороги проложили за пять лет заключенные с помощью лома, лопаты, тачки. Каторжный труд по 12—14 часов в сутки при 50-градусном морозе зимой и несметных полчищах комара и мошки летом. За все свои годы пребывания на Колыме я не встречал дорожных рабочих. Они почти все погибли. Скучное питание, отсутствие надлежащих жилищных условий, болезни...

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Мой дядя был неграмотным. Я запомнил его разговор с братом: «Скажи, зачем советская власть заставляет всех учиться? А кто же будет землю пахать, охотиться, рыбу ловить, если все учеными будут?» В лагере осмыслил дядину правоту. Вскоре советской власти понадобились чернорабочие: землекопы, лесорубы, каменщики, дорожники... Их не оказалось. Поэтому из ученых, инженеров, художников, архитекторов, поэтов стали делать рабочих. Нам давали сроки и в документах указывали: «Использовать только на тяжёлых физических работах...»

И покатали мы в кузове «ЗИСа-5» по Великому Колымскому тракту. Сопровождал нас всего один стрелок. В кузове — железная печка и кучка поленьев. Растопили. Стало теплее. Ехали двое суток. Последний этап. Для многих последний в полном смысле слова. Ученые потом подсчитают, что из прибывших на Колыму только около двадцати процентов доживут до конца своего срока.

Итак, прииск Штурмовой. 606 километров от Магадана. Вздрогнули, увидев палаточный городок. Это ничего доброго не предвещало. Тут — настоящее начало конца. В палатке, в которую нас определили, у одной из печей сидел изнуренный бородатый человек. Он почти бессознательно повторял: «Я профессор Иванов, бывший преподаватель военной академии...»

Двухъярусные нары. Матрац, подушка, набитая сухой травой, одеяло, простыни... Оказалось: на нижних Нарых спать невозможно — промерзает все. Выдали хлебный паек на три дня. По килограмму в день. В дальнейшем — по выполнению нормы. Стали возвращаться с работы хозяева палатки. Каждый нес или валежник, или щепу, обрезки дерева. Топливо. Нас поразил вид старожилков. Обессиленные, с обмороженными лицами, в грязных закопченных бушлатах, перепоясанные обрывками веревок. Одежду снимали здесь раз в Месяц. В банный день. Отработав десятичасовой день на морозе, всю ночь голыми выстаивали очередь на санобработку (бритье, стрижка, дезинфекция, помывка). Только к утру заканчивалась эта изнурительная «банная» процедура.

...Определили в бригаду подносчиком дров. Бригадиром был москвич Перель Яков Акимович. Профессор. Носили дрова из пса в лагерь для нужд столовой и отопления конторы. Уходили на пять-шесть километров вверх по речке, рубили сухостойный лес. Это был в здешнем понимании легкий труд.

...Какого-либо засилия воров, рецидивистов, бандитов здесь не было. Почти все — политзаключенные. Продолжали заготавливать дрова. Многие в первые же дни обморозились, получили воспаление легких. Их положили в больницу. Двое замерзли в снегу. Была поземка, которая переросла в пургу. Когда вернулись в лагерь, то двоих недосчитались. После нашли их закоченевшими — старик Куцман, писатель а переводчик с испанского языка профессор Маргулис. Потом нас бросили на расчистку дороги через перевал. Замерзшие оставались брошенными на обочине до конца пурги. На той

расчистке «отход» был большим. Но бесперебойность движения машин была обеспечена. Ценой невероятных потерь восстанавливалась жизнь на трассе. При расчистке из нашей палатки погибло три человека.

ЗАБОЙ

На вечерней поверке нарядчик Володя Костин огласил список из пятидесяти человек. Предупредил, чтобы на утренний развод не выходили. Нас направляли в ночную смену в забой на вскрышу торфов. Торфами здесь называются не обычные торфяники в подмосковном понятии, а настоящие горные породы. Выдали ломы, кайла. Приступили к разбору завала глыб. Надо было постоянно двигаться — иначе замерзнешь. Первое знакомство с золотым полигоном. После первой смены стало очевидным — впереди медленная мучительная смерть.

...Вскоре определили в бригаду забойщиков. Старшим — Чуплов Василий Кузьмич. Перевели в барак, где было к_и чище, и теплее. Даже можно было сп_ат в нательном белье.

...По всей Колыме никакой землеройной техники не было. Единственной механической силой, приведившей в действие мехдорожку, был движок «Червоный прогресс». Этот одноцилиндровый двигатель широко использовался с дореволюционных времен в сельском хозяйстве на обмолоте зерновых...

...Забойные карьеры разрыхлялись взрывами. На коробах, установленных на деревянных санках, вывозили грунт к канатной дорожке, подцепляли к_и отправляли по ледяной колее в отвал. Ответственная к_и тяжелая работа была у отвальных. Весь грунт вывозится за пределы полигона, где создаются высокие отвалы. Работа на них, открытых всем ветрам в 50-градусный мороз, дело непростое. Надо успеть отцепить короб, оттащить к краю отвала, вывалить грунт, подкатить к обратному тросу, подцепить к_и отправить в забой. Конвейер должен работать в размеренном темпе без остановки, Разговаривать, перекуривать времени нет. Забойные бригады состояли к_и сильных, здоровых к_и молодых парней. Отсев происходил в первые же дни. В основном, выдержки хватало на месяц-два. После переводили в слабосильные команды.

К БОЛЬШОМУ ЗОЛОТУ

Колымский промывочный сезон продолжался всего три месяца. Весной рабочий день удлинялся до десяти часов. Улучшалось питание. К весне в бараке появилось много свободных мест. Бригада наша сильно порежена. Мы выдержали три месяца «забойной» зимы. Повезло: обратили внимание на мое умение рукодельничать — перевели в бригаду по ремонту тачек. Надо было отремонтировать более двухсот тачек.

...Чтобы промыть миллионы кубометров горной массы, надо иметь непрерывный поток воды, исчисляемый миллионами кубометров. Никаких механических или электрических насосов не было. Действовали хитроумно продуманные водоводы, земляные каналы, деревянные желоба. Все это выливалось в многокилометровые деревянные сооружения. Деревянного монстра строили всю зиму и весну. Тысячи кубометров лиственного леса подносили на плечах и раздвигали на месте. Многокилометровые сплотки местами достигали десятиметровой высоты. На строительстве трудились тысячи квалифицированных плотников, лесорубов, сплавщиков, подносчиков. Подобных промывочных приборов на каждом прииске было по нескольку десятков — нетрудно подсчитать, сколько рабочей силы требовалось для выполнения этих работ.

ЗОЛОТАЯ СТРАДА

Май — первый месяц, когда прииски должны выдать готовую продукцию — золото. С окончанием подготовительных работ возникает много хлопот с организацией труда на промывочных работах. В сезон промывки потребность в рабочих руках резко возрастает. К работе привлекаются все, кто только может стоять на ногах. Только к тачкам одного забоя необходимо 150 человек. Всюду атмосфера напряженного ожидания страшного испытания. Невыход на работу по любым причинам незамедлительно оформлялся как контрреволюционный саботаж, неосторожное слово в адрес начальства — агитация против советской власти, контрреволюционная деятельность. Подозреваемого — в карцер, затем приказ начальника Дальстроя —

К БОЛЬШОМУ ЗОЛОТУ

Колымский промывочный сезон продолжался всего три месяца. Весной рабочий день удлинялся до десяти часов. Улучшалось питание. К весне в бараке появилось много свободных мест. Бригада наша сильно поредела. Мы выдержали три месяца «забойной» зимы. Повезло: обратили внимание на мое умение рукодельничать — перевели в бригаду по ремонту тачек. Надо было отремонтировать более двухсот тачек.

...Чтобы промыть миллионы кубометров горной массы, надо иметь непрерывный поток воды, исчисляемый миллионами кубометров. Никаких механических или электрических насосов не было. Действовали хитроумно продуманные водоводы, земляные каналы, деревянные желоба. Все это выливалось в многокилометровые деревянные сооружения. Деревянного монстра строили всю зиму и весну. Тысячи кубометров лиственного леса подносили на плечах и разделявали на месте. Многокилометровые сплотки местами достигали десятиметровой высоты. На строительстве трудились тысячи квалифицированных плотников, лесорубов, сплавщиков, подносчиков. Подобных промывочных приборов на каждом прииске было по нескольку десятков — нетрудно подсчитать, сколько рабочей силы требовалось для выполнения этих работ.

ЗОЛОТАЯ СТРАДА

Май — первый месяц, когда прииски должны выдать готовую продукцию — золото. С окончанием подготовительных работ возникает много хлопот с организацией труда на промывочных работах. В сезон промывки потребность в рабочих руках резко возрастает. К работе привлекаются все, кто только может стоять на ногах. Только к тачкам одного забоя необходимо 150 человек. Всюду атмосфера напряженного ожидания страшного испытания. Невыход на работу по любым причинам незамедлительно оформлялся как контрреволюционный саботаж, неосторожное слово в адрес начальства — агитация против советской власти, контрреволюционная деятельность. Подозреваемого — в карцер, затем приказ начальника Дальстроя —

расстрел. Обо всем этом объявляется на разводе. Сексоты в каждой бригаде. Разговаривать можно только с самим собой.

Нашу бригаду пополнили из других бригад. Народ, в основном, работающий. Забойные звенья по два человека. Моим напарником стал Иосиф Стрекалов, бывший инженер Харьковского тракторного завода. Он прибыл на прииск в конце прошлого сезона, успел поработать на тачке около месяца.

...С трибуны на разводе объявили о начале промывочного сезона. Выйдя из лагеря, все бегом устремились в забой. Надо получить инструмент. Две тачки на каждое звено, лопаты, кайло, ломы. Инструмент надо было отобрать лучший — вот и спешили. Ведь с тем, что получишь, работать весь сезон.

Вся площадь под забой окаймлена трапами, окованными полосовым железом. Трапы парные: холостые и грузовые — катят тачки груженные, а обратно — пустые. Все втягивается в конвейер. Никакой возможности остановиться для отдыха нет. Только через полтора часа сигнал на пятиминутный перекур. Рабочий день — двенадцать часов. Обеденный перерыв — час. Обед в забое. В августе рабочий день был четырнадцатичасовым. Некоторое облегчение наступало к концу сезона, когда высота талого слоя увеличивалась и мощность забоя позволяла работать больше лопатой, а не ломом и кайлом. Откатчик и забойщик менялись в обед. Начиная рабочий день, забойщик должен был на границе начала забоя оставить «тумбочку» для замера и определения объема вывезенной горной массы. По результатам сделанного выдается хлебное довольствие. Нормировщик неоднократно навевывается в забой и определяет категорию и класс грунта — объявляет норму на рабочую смену. Если забой мокрый, в конце дня звено получает по 50 граммов спирта. Для этого на участке был специальный человек — «спиртоносец»...

...Нет у человека такого органа, на который бы не воздействовала с предельной нагрузкой груженная тачка. В ногах тяжесть сжатия, в руках — растяжение. Шейные мышцы напряжены, зрение сосредоточено на узкой полоске трапа, позвоночник испытывает вибрацию. Этими каторжными тачками колымские заключенные перевезли миллиарды кубических метров горной массы во имя укрепления валютного могущества Родины, получая за это баланду, хлеб и незаслуженные проклятия...

Забойщик самостоятельно не мог выкатить тачку к бункеру. Была специальная подмога — крючковые, которые на подходе подцепляли тачку железным крючком и помогали затащить ее на эстакаду.

Не менее напряженно было и на промывке. Промывочная колода длиной в 26—30 метров то и дело забивалась — из-за недостатка воды, мерзлых кусков породы. Любая задержка оборачивалась бедой — квалифицировалась как вредительство. Напряженный ритм изматывал до такой степени, что после смены люди едва добирались го пагера. В бараке некоторые, не дождавшись вечерней баланды, засыпали. Будили их только на поверку. Утро забойщика начиналось трудно и мучительно. Пальцы за ночь деревенели — ни согнуть, ни разогнуть. Все мышцы тела теряют подвижность. Молодые парни становятся отрешенными, поникшими. Задолго до окончания сезона здесь все становятся стариками. Мало кто дотягивал до конца сезона. Ему труднее было тем, кто попадал в забой с «материка», с ртму после тюрьмы!

Резкая перемена приводила гораздо быстрее к трагическому исходу. На Колыму лучше прибывать зимой — есть время для адаптации. А так: десять—пятнадцать дней и — «доходяга». Особенно страдали пожилые и представители интеллигенции.

Колымское лето... Зачастую бывали и снегопады. Ветер, дождь — явления более частые. Бараки в ненастную погоду протекают. Постель становится сырой. Простудные заболевания были массовым явлением. Больных от работы освобождали в исключительных случаях. Исход так или этак один: или смерть в карцере от болезни, или расстрел за саботаж. Суда и следствия не было. Каждый день вывешивались новые списки расстрелянных. Начальник Дальстроя был наделен чрезвычайными полномочиями и возглавлял колымскую «тройку» НКВД.

В нашей бригаде мм знали всех сексотов. Их боялись и презирали. Но стоило им попасть в карцер или БУР (барак усиленного режима), их уничтожали самым зверским образом.

В июле 1938 года численность заключенных увеличилась почти вдвое. Каждодневные разводы сопровождались выступлением Начальника отдельного лагерного пункта Резниковым. С трибуны он с особым вдохновением зачитывал приказы начальника Дальстроя Павлова об очередных расстрелах. Указывал рукой в сторону карце-

ра и говорил: «Только физическое уничтожение всех непокорных заставит вас всех работать так, как нам надо». Он гнусавил и не выговаривал букву «р» — это придавало ему более зловещий оттенок его выступлениям. Нервы у многих не выдерживали. В забое, уловив момент, выхватывали топор у трапщика и отрубали себе левую руку или ступню ноги. Став инвалидом, ты имел шанс остаться в живых. Правда, за совершенный поступок добавлялось десять лет срока. Повседневным явлением были самоубийства. Они обычно совершались в ночных сменах. В темных закоулках многочисленных эстакад утром обнаруживались повесившиеся забойщики. Каждый из нас убеждался, *У его* стоит его жизнь. Все идеалы всеобщего благоденствия были не более как банальные словоблудия заумных философов. Если задаться вопросом, за что человек несет это невиданное в истории издевательство, то вся морально-этическая философия современности становится никчемной и несерьезной. И это при строительстве самого гуманного строя в мире! Дремучая дикость, дремучая глупость, а не современная цивилизация. Лучше не задумываться и не делиться мыслями. Все и молчали. Работали покорно и «самоотверженно». Поэтому в моем повествовании нет диалогов. Их не было в жизни. Общаться с кем бы то ни было было опасно.

Апогеем разгула произвола был август 1938 года. За два дня расстреляли около трехсот человек. Случайно остался из приговоренных к расстрелу живым один.

Это был молодой парень. На прииске Штурмовой ночью под шум работающего трактора на штрафном участке по ручью Свистопляс обреченных подводили к шурфу и стреляли в затылок. Перед этим уточняли фамилию, имя, отчество. Упомянутый парень, когда назвали его фамилию, отозвался, но назвался другим именем и отчеством. Начальник охраны переспросил. Фамилия сходилась, а имя и отчество — нет. Его отвели в сторону. По окончании расстрела других его посадили в карцер до выяснения. Расстрелы продолжались два дня, потом по какому-то указанию прекратились. Оставшегося в карцере вернули в его бригаду. Но с ним затем произошло буйное помешательство, и его увезли в больницу. О дальнейшей его судьбе не знаю.

...В 1941 году я работал плотником в стройцехе. В один из летних дней был направлен в автотракторный гараж на ремонт тракторных саней. Осматривая сани, обратил внимание на кровавые пятна

на дощатых настилах. Все объяснил механик гаража. Оказывается, в долине ручья Свистопляс на участке разведочных шурфов, где были расстреляны а закопаны в 1938 году заключенные, было решено начать вскрышные работы. Охранники вскрыли шурфы, извлекли трубы, погрузили их на сани, где они оттаяли а оставили следы крови. Закопали их за конебазой, у подножия сопки. Все эти расправы учинялись в бытность начальника лагеря Резникова. В 1939 году прошел слух, что при выезде в отпуск на теплоходе «Индибирка» он погиб. Теплоход затонул вместе с 740 заключенными-инвалидами. Факт гибели этого судна подтвердило в 1970 году японское радио «Эн-Эйч-Кей». Оно сообщило, что осенью 1939 года близ одного японского острова затонул советский теплоход. Японский учитель организовал сбор пожертвований, на которые а был установлен монумент памяти погибших. Сообщалось, что на официальном открытии монумента присутствовал посол Советского Союза. Только в 1989 году газета «Советская Россия» в № 294 сообщила об этой трагедии.

...За найденный самородок заключенному начислялась плата из расчета 1 рубль 14 копеек за грамм. Сумма зачислялась на лицевой счет. Работали на очень богатом полигоне. Были ана, когда поднимали до двадцати самородков за смену. К концу промывочного сезона из старых забойщиков в бригаде осталось всего 18 человек. Остальные отсеялись в «слабосилку», заболели. Оставшиеся держались на пределе возможного. Удивительно: на чем держались кости, обтянутые кожей?! Можно было прощупать каждую косточку собственного скелета. Как можно было в этом положении удержаться от соблазна покончить с собой? Но мы одерживали победу над собой.

...Когда оканчивался промывочный сезон, добыча золота продолжалась так называемыми малыми формами. Как бы тщательно на очищали забойные подошвы отработанных площадей, золота оставалось много по разным расщелинам, бортам забоев... Его надо было взять. Лотошники подбирались на добровольных началах. Привлекала свобода. Каждый предоставлялся самому себе — никакого конвоя. После каторжного забоя это было счастье. Единственный контроль — сданное золото. При выполнении нормы — дополнительный хлеб, табак, сахар. Норма за смену — сто граммов золота.

...Выдали нам по лотку а скребку. И мы пошли искать счастье. Первые ана было трудновато, но потом приспособились, а больших трудов не составляло выполнить норму. Работа не из легких, но ин-

тересная. Имел место азарт поиска, удачи. Иногда намывали много больше нормы. Излишки надежно прятали или заимствовали неудачники... Начальство нас уважало, поощряло дополнительным питанием. Уже зима, а мы работаем и приносим золото. Организовывали оттайку грунта кострами, грели воду в железных чанах... Тут я приобрел еще одну немаловажную для колымской жизни профессию. Я был как промывальщик признан лагерным руководством. На этой работе я немного окреп. Молодость брала свое.

...Потом попал в бригаду по разборке промприбора. Работа тяжелая. Надо орудовать ломami, разбирать бревенчатые рамы и грузить их на тракторные сани. Но все это ни в какое сравнение не шло с забойной работой. Здесь можно было перекурить, отдохнуть. Но этим злоупотреблять нельзя было: бригадир может отметить твою лень, и больше сюда не попадешь. Я бригадиру понравился. Однажды он мне говорит: «Буду рекомендовать тебя в бригаду плотников, но ты должен меня не подвести — тебе придется сдавать «экзамен» начальнику стройцеха». И он показал, как надо обтесывать бревно. До конца смены я репетировал — протесал два бревна со строгой выдержкой линии протески. Ко всему прочему, надо было суметь вытесать топорище. Это я умел, мой отец был хорошим мастером — с детства научил меня делать красивые топорища.

Через два дня повели меня на «пробу». Начальник цеха, Григорьев Петр Григорьевич, кто отбывал срок в пять лет, сказал: «Расспросами мучить не буду. Сделай мне топорище и принеси в кабинет».

Когда он взял в руки мое топорище, изрек: «Из тебя получится хороший мастер. Пойдешь в ученики к хорошему плотнику. Он тебя выучит. Работай прилежно, и это тебя спасет». Вот тут у меня навернулись слезы, так как понял — уже спасен. А учил меня мастерству Володин Иннокентий Николаевич. Потомственный плотник из Карелии.

Вскоре всю плотницкую бригаду поставили на строительство двухэтажного жилого дома. Отбирали специалистов высокой квалификации. Это были настоящие художники своего дела. Кажущаяся простота старинных деревянных строений таит в себе высокое кропотливое мастерство безымянных умельцев. Кому приходилось бывать в аэропорту поселка Сеймчан, обратили внимание на здание аэ-

ропорта или дома в поселке Штурмовом, поселке Ягодном — наивысшее мастерство!

ОПЯТЬ ЗАБОЙ!

На вечерней поверке огласили список заключенных, направляемых в забойную бригаду. В списке оказался и я. До осени можно не выдержать. Моим напарником оказалось Геннадий Васильевич Укладников. Моряк. Окончил военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинграде. Это был человек неимоверной силы. Работал, не зная усталости...

Мои товарищи из плотницкого цеха искали пути вызволения меня из забоя. Однажды подходит мастер гаража говорит: «Тебя включили в список слесарей по ремонту автомобилей. Смотри, не подкачай. Тебе зададут несколько простых вопросов, а там тебя обучим...» Он тут же кое-что рассказал мне об устройстве автомобиля, порядке работы цилиндров, об основных узлах двигателя, ходовой части. До этого я об автомобилях знал одно, что они бывают легковые и грузовые. Единственное преимущество заключенного перед вольнонаемным — у него нет никаких документов. Каждой может выдавать себя за кого пожелает.

Наконец, вызвали в автопарк. Завгар подвел к машине, открыл капот, что-то отсоединил и сказал: «Установите зажигание». Я почувствовал, как из-под ног уходит земля. Но вдруг нашелся: «Гражданин начальник, я работал больше по ремонту тракторов...» А он меня к трактору УТЗ, показывает на вакуумную «банку»: «Что это такое?» А я: «Не помню названия. Я больше механик по комбайнам». — «Хорошо. Тогда скажи, из каких узлов состоит комбайн?»

Словом, меня с позором прогнали. Мне больше было стыдно перед товарищами, которые меня вызволяли из забоя. В бараке меня успокоили. Мол, будем искать другие пути — надо использовать все для выживания. Через полмесяца за устройство моей судьбы взялся кузнец Николай Зубко. Заявил, что я им в бригаду нужен в качестве клепальщика. Мол, специалист. Я было пробовал возражать — не выдержу «экзамена». А мне: «Скажи, что ты котельный клепальщик, а они все глухие. Притворись глухим».

Пришел в кузницу. Спрашивают нормальным голосом: «Ты кто по специальности?» Monsy и недоуменно смотрю на спрашивающе-

го. Вопрос повторяется громче. Отвечаю: «Котельный клепальщик». И вдруг слышу: «Настоящая находка! Котельные клепальщики глухие, но мастера — первый класс!» И тут же отправили к месту работы. Там меня уже ждали. Так а стал у Зубко молотобойцем.

Профессия молотобойца не из легких. Но зато — не в забое. Главное — в тепле, а пайковое довольствие выдавали, как и забойщикам. Быстро освоил профессию молотобойца и клепальщика. Николай Зубко был мною доволен, а мм с ним сдружились.

...Лес был главным материалом всей колымской жизни. Здесь был деревянный век. Все было из дерева. Чтобы обеспечить бесперебойное поступление многих тысяч кубометров столь необходимого материала, нужны были тракторы. А поэтому работа в кузнице шла почти круглосуточно — ремонтировали тракторы после каждого рейса. Башмаки не выдерживали, меняли подреза саней, гусеницы... Главная заготовка леса от прииска Штурмового находилась в верховьях реки Мылга, в 20 километрах. Заготовленный лес летом плотами доставлялся в поселок Речной, осенью — молевым способом сплавлялся дальше.

В 1940 году меня и Степана Клочкова из кузницы отправили в Речной, чтобы мы на месте организовали ремонт тракторов. На свалке нашли ручную лебедку, отремонтировали ее, приспособили для переворачивания саней. До нас для этого использовали трактора. Из-за этого днями простаивали, срывался ремонт саней. Однажды приехало целая свита приискового начальства. Алексееву, начальнику прииска, наша работа понравилась, и он дал указание своему помощнику выписать нам буханку хлеба и килограмм селедки.

...Природа кругом торжествовала! Много ягод, грибов. Но лето проходит быстро. В начале августа пошли дожди со снегом. Река вышла аз берегов. Связь с лесозаготовительными бригадами прекратилась. Лесорубы и сплавщики, более ста человек, оказались отрезанными. Запасы продовольствия закончились. Начали голодать. Начальство принимает решение снарядить пешую экспедицию с продовольствием. Мобилизовали всю службу лесозавода, плотников, спесарей и нас со Степаном. Каждому дали столько, сколько сможет унести. Предстояло пройти 70 километров по склонам сопок, преодолевая вброд множество ручьев и речек. На Колыме вода во все времена года ледяная. Нас переправили на лодках на другой берег. Высадили прямо в воду. Лодки не могли пройти из-за густых зарос-

лей кустарника. Километр до суши преодолели с большим трудом. Из сорока человек два запутались в зарослях ивняка и погибли от переохлаждения. Развели костер, обогрелись, похоронили товарищей и двинулись дальше. Остановились на ночлег на склоне сопки. Когда разожгли костер, то предстало грандиозное зрелище. Я никогда не видел такой красоты! Все кругом от костра светилось, полыхало особыми красками огня и дыма. И это одно потрясение — от обилия брусники. Негде было сесть — так ее было много...

...Подошли к лесоучастку. Он от нас в воде километрах в трех. Лодки нет. Решили идти вброд. Бог миловал — добрались. На лесоучастке на ногах осталось человек 5. Остальные, обессиленные от голода, лежали. Многие умерли. Некоторые утонули. Кто-то ушел в неизвестном направлении и пропал...

...Промокший мех превратился в тесто. Раздали по кружке мокрой массы. Крупу заложили в котел и стали варить. Люди имели страшный вид: отекавшие, оборванные. Питались травой и ягодами около месяца.

Лес, подготовленный к молевому сплаву, разнесло. Сплавной сезон приближался, а работать было некому. Сплав начинался в начале сентября, когда река войдет в свое русло. Это время снегопадов, заморозков. Люди безо всякой спецодежды по пояс в воде весь день должны разбирать заторы, таскать бревна из завалов.

Десятники нас хотели оставить для сплавных работ. Мы сослались на строгое указание начальства о немедленном возвращении. Вышел большой скандал. Когда страсти поутихли, мы стали расспрашивать о лесной жизни. Удивляло то, что здесь работали без охраны. Десятник Дроздов из-под койки достал небольшой кожаный мешочек и вытряхнул содержимое. Это были шесть засохших кистей правых рук. В трех километрах от барачных лесорубов поселок оленеводов Эчан. Люди его покинули в прошлом году — перегнали стадо в другое место. В одном из заброшенных домиков и нашли этот мешочек.

Лагерным начальством было объявлено — беглецов местные жители могут стрелять без предупреждения. Каждый убитый оплачивался 250 рублями. Надо только было представить в «бухгалтерию» кисть правой руки. Десятник хранил этот мешочек для устрашения своих подчиненных.

Утром соорудили плоты. Наша четверка поплыла первой. Риск огромный. Кругом завалы, водовороты — никакой возможности перевести дух. В одном месте нас крепко зацепило — два бревна вырвало. С трудом удержались на плаву. В борьбе за жизнь не заметили, как нас вынесло в огромную заводь. Пристали к берегу, подремонтировались. Поплыли дальше. Видимо, ослабили внимание и допустили оплошность — нас понесло в глухую протоку. Оказались среди завалов и топляков. Плот пришлось оставить, и мы с большим риском, по пояс в Воне, добрались по берега. Разожгли костер, отогрелись. Наелись шиповника и пошли. 20 километров мы шли до темна. Но все же ночь пришлось провести под открытым небом. Разожгли костер, потом на кострище набросали веток, на них и легли. Утром пришли в поселок. Два плота были уже на месте. Остальных не было. В течение дня пришло несколько человек. Умеро оказались на противоположном берегу. Их к вечеру перевезли на лодке. Недосчитались шести человек. Через двое суток еле живым к поселку выполз один человек. Рассказал, что на плоту их было шестеро. Плот разорвало, и все оказались в воде. Он зацепился за бревно и так плыл километра три. Прибило его к затору и раздробило правую ногу. О судьбе остальных ничего сказать не мог...

...В конце августа река вошла в свое русло. Продукты сплавщикам доставили на верховых лошадях. Всех оставшихся людей бросили на молевой сплав. Лес надо было спасти любой ценой. С прииска могли снять всего тридцать человек. Потом под усиленным конвоем прибыл этап в пятьдесят человек. Я ушел от смерти, которая меня ждала в забое, а теперь предстояло погибнуть на лесосплаве. Как этого не хочется в двадцать пять лет! Заговорил Степан:

— Неужели, Жора, мы пойдем на эту погибель? Надо действовать.

— Уто же ты предлагаешь?

— Надо бежать в центральный лагерь. Нас будут судить, дадут срок за побег — и все. Из Колымы все равно не выберемся, так что какая разница, какой срок отбывать.

Он был прав. Когда нас отвели от поселка километров на десять, тропа пошла среди лесных зарослей. Колонна растянулась. Охранники — по два человека спереди и сзади. Когда вошли в лес, мы сошли тихо в сторону и бросились бежать к сопкам. Погони не будет. Охранники не оставят же остальных. Бежать только в разные

стороны договорились. Бежал и вспоминал детство. У отца была такая же трехлинейка, что и у охранников. К13 нее он сохатого валил за полверсты. Успеть бы уйти подальше, пока колонна не вышла из зарослей. Неприятная это роль — роль сохатого. Потом я одумался, развернулся и спокойно пошел по опушке песа в обратном направлении. Даже если и будет погоня, не подумают, что а забегаю им вперед. И все же меня заметили раньше рассчитанного мною времени. Начали стрелять. Но спас овраг, заросший кустами. Бежал, выбиваясь из сил. От перенапряжения темно было в глазах. Силы меня оставили. В полном изнеможении повалился на землю и потерял сознание. Очнулся от гнетущей тишины. Поднялся и сел на мягкую болотную кочку. Вспомнил, что у меня есть теб и селедка. Приготовился перекусить. Вдруг — шорох. Из кустов выходит... Ринат Зарипов. Он вышел из колонны намного раньше нас. Оказывается, стреляли не по нему, а по его компаньонам, которые вышли из укрытия раньше условленного. Двоих ранили, а одного убили. Ринат эту расправу наблюдал из своей засады. Видел он, как с довольно большого расстояния несколькими выстрелами был убит Степан. Охранники добились и раненых...

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КАМУФЛЯЖ

В один из декабрьских дней меня направили в больницу в распоряжение главврача. Больница находилась довольно далеко от лагеря. Ранним утром пришлось по сильному морозу идти через весь поселок Штурмовой. Замерз. К13 множества помещений отметил одно, из печной трубы которого теп дым. Не раздумывая, вхожу. Топится железная печь. Темно. Но главное, есть возможность переждать, согреться. Сел на скамейку, закурил... Неожиданно включился свет. И я оказался в окружении... скелетов. Обтянутые кожей, с впалыми открытыми глазами, оскаленными зубами. Я оцепенел! Потом пришел в себя и выскочил на улицу. Увидел старика с охупкой дров. К нему с расспросами, а он:

— Здесь мы оттаиваем замерзшие трупы для вскрытия и снятия отпечатков пальцев. Составляем акты о смерти; а затем вывозим и закапываем под сопкой за конебазой. Работы много... Умирает в день по восемь-десять человек. Обрабатывать не успеваем, прихо-

дится складывать в морги и замораживать... Привыкай. Скоро главврач придет и тебе даст работу...

...Вернулся в помещение за оставленными там инструментами. Страх уже не было. Я задумался о цене жизни. Вот, были хнвммн, хотели жить, надеялись на встречу с родными и близкими... Ушли. А где-то их дома, где тоже живут ожиданием, надеждой на возвращение отца, мужа. Страх пришел уже иного качества. Их зароят в наспех открытых ямах. Не похоронят, а зароят. Выкопать могилу в вечной мерзлоте — проблема. А рыть надо не одну — тысячи. Проблема неразрешимая. Поэтому ямы готовились буровзрывными способами. Ямы большие, на 30—40 человек каждая. Засыпать тоже было не просто. Взрывом грунт разбрасывался, поэтому мертвецов кое-как забрасывали остатками земли, мха, кустарника.

Уже потом, когда я тут выполнял плотницкие работы, меня поразило оформление актов о смерти. Типографским способом отпечатанные бланки о том, что «покойник похоронен головой на восток». Никак не мог объяснить, кому и зачем нужен был этот ритуальный камуфляж, когда вся экипировка ушедшего состояла из маленькой четырехугольной деревянной бирки, привязанной к ноге покойника. С указанием фамилии, имени, отчества, статьи, срока...

...Пришел главврач. Оказывается, одно из временных строений предоставлялось ему под кабинет. Надо было как-то помещение утеплить и благоустроить... Завел на чердак главного корпуса. Показал мне огромные кучи лагерной одежды, оставшиеся от умерших заключенных — можно это использовать для обивки стен. Полушубки пошли на утепление кабинета. Выделил «больного» на помощь. Поработали почти месяц. Все сделали на славу! Так прошла почти вся зима.

СЕКРЕТНАЯ ВОЙНА

Связи с внешним миром у нас не было. Ни газет, ни радио. Ни о чем не ведали, не знали. В ночь с 22 на 23 июня 1941 года в барак ворвалась группа охранников:

— Подъем! Встать!

Охранники приступили к обыску. Перевернули все постели, личные вещи. После скомандовали собраться с вещами и выходить строиться... Погнали на участок Чек-Чик на строящийся новый ла-

герный пункт. Загнали в два барака, где объявили, что надо устанавливать палатки. Наступил рассвет, когда мы начали ставить каркасы для палаток. Утром получили хлеб и кипяток — и опять за работу. Затем нас, троих человек, отпустили в стройцах за инструментами. Там получили информацию о начале войны. Но — как-то все в тумане, неясно. Тут же меня назначили бригадиром и отправили строить новый участок в лагпункт Речной. Дали хорошего коня. Втроем выехали на новый участок. В голую тундру. Разгрузились в уютном попе. На наше счастье, неподалеку оказался шалаш геологов, обложенный мхом. Правда, это было больше воспоминание о шалаше (каркас из тонких жердинок и куча мха), но все же... Быстро укрепили каркас, установили дополнительные палки, обложили новым мхом. Поставили печь, вывели трубу. Вместо двери — старое одеяло. Дом со всеми удобствами был готов! К концу мм были уже в тепле. Из сухого мха соорудили лежаки. Вскоре к нам заявились гости — зашли путники, идущие в Речной. Так что мы оказались на бойком месте. От первых гостей мы узнали подробности о начавшейся войне...

Правда, никто толком ничего не знал, но все подтверждали — немец перемет границу. Их, вольнонаемных, всех предупредили, чтобы о войне никому из заключенных не говорили. Запугивали статьей 58-5. Ночь почти не спали. К утру в нашей хибарке набилось столько народу, что негде было стоять...

...Во второй половине дня приехал начальник нового участка. Им оказался мой старый знакомый Дроздов Василий Алексеевич. Похвалил за то, что так быстро соорудили себе жилье. Мы его угостили чаем. За чаем Сама Прокопченко не выдержал и спросил:

— Гражданин начальник, расскажите нам, что там за война началась?

Дроздов отставил кружку с чаем, покраснел:

— Откуда вы знаете о какой-то войне? Кто вам это наврал?

Его удивило: как в таком отдалении от прииска люди уже знают, что началась война? Успокоившись, произнес:

— Не верьте, все это вранье. Никакой войны нет.

На этом наша беседа закончилась. Дроздов повел меня на площадку, где обозначили места для установки палаток. Не дожидаясь подхода тракторов с оборудованием и стройматериалами, он уехал.

При воспоминании этого эпизода я думаю, до какого же абсурда страна была заражена бактерией секретности? Неужели думали, что можно скрыть такую страшную вселенскую беду?

...Трактора пришли поздно ночью. Утром их разгрузили. Приступили к установке каркасов и палаток. К вечеру подошел этап заключенных. Человек сто. С их помощью закончили натягивать палатки, затопили огромные железные печи, изготовленные из железных бочек. Началась жизнь на новом месте. На другой день сколотили двойные нары. Уют и комфорт в лучших колымских традициях обеспечен.

СТРОИМ НОВЫЙ УЧАСТОК

Развернулось строительство. Срубили домик для начальника участка. В одной из палаток оборудовали столовую. На носу была жестокая зима — нужны были бараки. Кто помоложе и посильнее — отправили в лес. В четырех километрах, в долине небольшого ручья, было много лиственного разнолесья: ветла, осина, тополь. На месте решили делать срубы, а затем перевезти на участок.

За два дня срубили добротный барак. Бревна клали на мох. Потолок соорудили из накатника, насыпали толстый слой глины, накрыли дерном. От дождя спасения нет, но тепло держалось хорошо.

Работали от зари до зари. Работа была тяжелая, а сухого пайка, который нам давали, еле хватало на то, чтобы один раз в день сварить кашу. Стало голодно. С осени еще кое-как пополнялся рацион ягодами и грибами, но когда выпал снег, начались заболевания от истощения. Слегли Земан, Миша Скобарь. Миша отравился. Ходил в поселок Речной и на помойке набрал селедочных голов. Наесть. Вот — результат. Основные объекты построены. Начальству мы теперь интереса не представляли.

Как-то ко мне подошел смотритель и говорит:

— Есть возможность купить хлеб. Надо пойти в лес к углежогам. Они те-Тберут теб и перепродают по 400 рублей за буханку.

Он мне дал денег, объяснив что они тоже живут впроголодь, а послать к углежогам некого. Поручают это мне. Как самому надежному. Я согласился.

Смотритель дал мне тысячу двести рублей. К углежогам пришел затемно. Землянка. В передней меня встретил мужчина. Во вто-

рой «комнате» трое играли в карты. На меня — никакого внимания. Встретивший меня мужчина оказался алтайцем. Алтайский язык похож на шорский. Разговорились. Я рассказал, что пришел купить хлеб. И вдруг слышу от Него:

— Дела твои плохи. Никакого хлеба у нас нет. Не ты первый на удочку купился. Они у тебя деньги отнимут, а тебя убьют. Выход есть: если проиграешь им деньги в карты, то будешь спасен.

Угостил меня кашей. С большим аппетитом поел, выпил чаю. Подошел один из игроков:

— Уто, земляк пришел?

— Да... Он хочет в картишки перекинуться.

Так а оказался в западне. Если спасение в том, чтобы проиграть все деньги, то как я вернусь на участок и как буду расплачиваться со зрителем? Законы лагеря Томе жестоки. Без крови не обойтись. Но как бы то ни было, выход один — играть. Главное — дотянуть до утра. Утром должен прийти обоз за углем, и это может меня спасти.

Играть а умел. Научился в третьей камере Старокузнецкой тюрьмы. Беру колоду карт. Ставлю сотенную. Раздаю. Ответ у двоих. Третий просит играть на лагерное одеяло. Не принимаю. Лагерное можно не принимать. Это общепринятый закон. Вытаскиваю карту. Проигрыш! Во второй партии а опять проигрываю. Ставлю триста. Выигрываю. Остаемся вдвоем. Партнер предлагает играть в оско. Ставлю условие: «на откладку». Это значит, после раздачи колода откладывается на стол, нижнюю карту вытаскивает сам играющий. Партнер соглашается. Обыгрываю. Ставит десять пачек папирос «Богатырь». По пятьдесят рублей за пачку. Проигрываю. На душе отлегло. Неизвестно, что они со мной могут сделать, если а всех обыграю. Проигрываю еще. Остались почти при своих. Игра выравнивается. Послышался скрип саней. Рассвет. Подъехали на лошадах за углем. С шумом входят четверо возчиков. Игра закончена. Алтаец вскипятил чай. Все принялись чаевничать. Воспользовавшись этим, я покинул страшных компаньонов и почти бегом рванул на участок. Возвращаю деньги зрителю и отправляюсь в лес. Позади осталась еще одна трагическая «шутка». С того времени никогда не держал карты в руках. Они мне напоминают игрушку между жизнью и смертью.

...Основные объекты на участке построены. В бригаде осталось всего шесть человек. С Михаилом Криворотовым приспособились

ловить петлями куропаток. Их было несметное множество. Их привлекали почки на поваленных деревьях. Если удавался хороший улов, Миша носил в поселок Речной и выменивал на хлеб, крупу...

...В конце ноября приехал прораб стройцеха Иван Силкин. Он предложил наладить изготовление санок для вскрышки торфов.

— Если надо будет вам сделать мелкие кузнечные работы, у вас есть кузнец, — и указал на меня. И нас с Same# Прокопченко взял с собой на прииск.

Начальник цеха — очень добрый человек, Петр Григорьевич, расспросил, как мы живем. Чувствовалось, что он переживает по поводу нашей безысходности. Помотал всем, чем мог. А утром там выделили трактор, загрузили необходимым и отправили назад. Кроме всего, Петр Григорьевич выписал два мешка фуражного овса. Будто бы у нас в песу есть лошадь. Понимал, что в нужде и голоде пригодится. Грузчик склада оказался знакомым Саше Прокопченко. Вместе в забойной бригаде были. Он нам в сани бросил две замороженные свиные шкуры. Здесь они не нужны, а там... Словом, возвращались счастливыми и радостными...

...Наступала страшная зима. Все силы и умения бросили на утепление жилья. А ведь и без этого основной работы было невпроворот. Для санок нужны были брусочки. Их вытесывали из мороженого кругляка, «вязали» поперечными брусками, оковывали полосовым железом... Кругляк под топором крошился, как стекло, — мороз делал свое дело. Невозможно ни гвоздя забить, ни оковать. Поэтому за сутки заносили необходимое количество леса в теплый барак.

Постепенно все наладилось. И мы за день могли выпускать до десяти санок.

В середине декабря произвели взрыв. Начались вскрышные работы, для которых мы приготовили более сотни саней. Нагрязнуло начальство, когда Саша Прокопченко готовил обед. Хлеба у нас не было. Пятидневную норму съедали за два дня. Помогал овес. Мы его обжаривали на железном противне, толкли в самодельной ступе, просеивали. Получалось что-то вроде жареной крупы. Из этого варили суп и заправляли кусочками свиной шкуры. За этим занятием нас и застал главный инженер прииска Сорокин. Поскольку ему наши санки понравились, он дал указание начальнику участка поддерживать нас питанием и одеждой. А мы должны увеличить производство санок: их будут брать для других участков.

Нам прибавили хлебный паек и выдали новое обмундирование. Опять воспрянули духом. Вскоре мы даже срубили себе баньку. Чем не свобода и радость жизни?! Но работали, не покладая рук, а то, чего доброго, весной угодишь в забойную бригаду. Но весной нас перевели на строительство промывочных приборов.

...Прошло всего полгода, как был забит первый колышек под жилую палатку, а надо было уже давать стране золото. Самая сложная проблема — снабжение промывочных приборов водой. Горняки вели руслоотводную канаву по склону сопки почти шесть километров. Мы строили два мощных прибора. Рабочий день был двенадцатичасовым. К середине мая приборы и сплотки были построены. Опробовали поток воды. Нормально! Начальство торжествует. За успешное окончание строительства нам выдали по 50 граммов спирта, килограмм хлеба и одну селедку.

В каком бы рабском положении ни находился человек, чувство исполненного долга и самое минимальное внимание за исполненную работу вызывают всегда чувство радости. Недолгим был отдых. Только после проверки улеглись на отдых, как прибежал нарядчик с истерическим криком: «Подъем! Всем на работу!» Оказалось, прекратилось поступление воды на прибор. Вода размывала похе канала, оказавшегося с торфяной прослойкой, и устремилась потоком по склону сопки. На глазах образовывался огромный овраг. Приказано срочно изготавливать мощные дощатые желоба и устроить водоприемник, от которого подвести воду к промывочным приборам. Эту работу выполняли до обеда следующего дня. Вода помпа, но через час опять «ушла». Размыло где-то в километре выше. Мы уже валились с ног, когда, наконец, дали отбой. Борьба закончилась не в нашу пользу. Создалась чрезвычайная обстановка на всем участке. Нужны были мощные насосы. Электроэнергии нет. Значит, качать с тракторным приводом. Промывка песка задержалась надолго. Работали в две смены. Пуск приборов задержался почти на месяц. Это был непрерывный аврал. Спали по часу-два прямо на рабочем месте... Наконец, пошел поистине драгоценный металл. Мы получили суточный отпуск. Наше начальство было полностью заменено...

...Затем опять аврал. Прииск Штурмовой решили перевести на вольнонаемную рабочую силу. Заключение отправили на другие прииски. А нам — оборудовать бараки под вольнонаемных. Двойные нары перенесли в две палатки — наше временное жилье. В бараках

устроили одноярусные койки-топчаны. Произвели ремонт полов, стен. Отремонтировали столовую, построили новую баню...

ОПЯТЬ ЛЕСОСПЛАВ

В один из сентябрьских дней по снежной пороше нас под усиленным конвоем погнали в лагпункт Речной. В лагере было всего несколько человек из obsługi и рабочих лесопилки. Все были на песосплаве. По реке шла шуга... Для меня все это уже было знакомо. Надо было все хорошо обдумать и разумно распорядиться своей молодой жизнью...

...Остановились на отдых. Бригадир нас предупредил:

— Если кто желает бежать, лучше сделайте это сейчас. Дойдем до места — поздно будет. Там десять человек охранников.

Шло нас тридцать человек. Бригадиром — пожилой татарин. Один срок он уже отбыл. Ему дали еще десять лет за убийство в лагере. Так что даже вот какие были ситуации и какие «начальники». Посовещавшись, двенадцать человек решили возвращаться в лагерь. Остальные пошли покорно дальше. А мы в зарослях полакомились мороженым шиповником. Шиповник был крупный, сладкий. В лагерь пришли поздно вечером. Дежурный вызвал Начальника режима для принятия мер. Начальник пришел с двумя охранниками. И распорядился — в карцер! Ночь в холодном карцере. Утром принесли по 400 граммов хлеба и по чашке кипятка. Предупредили — на весь день. Пришел начальник лагпункта и сказал:

— Выбирайте: или я вас заморожу здесь, или идите на песосплав.

Выбора не было. Дожили по вечера. Ночью загремели запоры. Охранник скомандовал:

— Выходи!

Повел в лагерь. В бараке сидели какие-то незнакомые люди. Один из них обратился к нам:

— Кто у вас старший?

Я вышел вперед.

— Кто вы по специальности?

— Все плотники, гражданин начальник.

— Почему все оказались в карцере?

Я рассказал все, как было. Разговор на этом закончился. Тот, с кем мы разговаривали, обратился к начальнику лагеря:

— Грузите, мы опаздываем. Надо ехать.

Нас вывели, разместили в крытом грузовике. Охранник разрешил затопить печь. Сам сел в кабину. Приехали к участку, который нами был построен. Остановились у инструменталки. Набрали дров и поехали дальше. Куда везут, не знали. Но чувствовали — хуже не будет. Оказалось, что мы ехали к поселку Ягодный, в отдел капитального строительства.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Приехали глубокой ночью. Сказали, что для оформления документов надо ждать до утра. Стрелок разрешил нам выйти размяться... Утром увидели, что здесь заключенные живут в капитальных рубленых деревянных бараках. Условия — не то, что на прииске. Да и порядка больше. С питанием вполне удовлетворительно. В первые дни баланду давали не по норме, а по потребности. Опять радость и надежда на выживание.

В минуты арестантского досуга порой открываешь для себя совершенно непостижимые и неожиданные философские понятия. Кажались бы, в этом омуте рабства полностью теряется смысл жизни. Здесь такие морально-нравственные категории, как счастье, радость, надежда, должны быть полностью исключены из сознания. Но — все гораздо сложнее. Вспоминаю свое детство. Жили в таежной глуши. Отец два раза в год ездил в Кузнецк и по возвращении давал нам, ребятишкам, по одной конфете каждому. На большее у него, наверное, не было денег. Мы его ждали днями. А перед приездом даже ночь не спали. Радость получения конфеты — ни с чем не сравнимая! Такую же радость испытывали, когда получали единственный карандаш или единственную тетрадку. Разве дети, жившие в городе, могли испытывать подобное? То же самое здесь. При всей безысходности каторжного положения, счастье и радость всегда присутствуют. Если при раздаче хлеба тебе досталась горбушка, то счастлив и радуешься... А тут: попасть в Ягодный — это же спасательный круг судьбою брошен!

Другое дело взаимоотношения людей. Они жестокие.

Смерть, болезнь здесь частые явления — и это ни у кого не вызывает ни жалости, ни сострадания. Обыденная жизнь протекает по своим строгим и жестоким законам. Надо их познавать, соблюдать. Это слухно.

...Поселок Ягодный, бывший центр дорожного управления Колымы, стал центром Северного Горнопромышленного управления... Заканчивалось строительство больницы. Началось строительство ремонтно-механических мастерских, жилых домов. Нужны были строители, механики, инженеры, рабочие. Вот нас и востребовали...

...Возглавляли все работы заключенные, отличные специалисты, люди высокой культуры. Начальник ОКСа Суханов, его сменил Пристяжнюк. Главный инженер Кузнецов Артем Николаевич, инженер Валлерштейн, Даншин, Петрашевский, архитектор Носиков, производитель работ Иван Андреевич Мандриков, бригадир Чуйко Мирон Митрофанович. С ним я и проработал весь оставшийся срок. Зато начальником управления был полковник Гакаев. Вероломный, надменный самодур

В поселке была столовая для вольнонаемных, которая вечерами работала как ресторан. Когда из какого-либо прииска поступал запрос на пополнение рабочей силы, Гакаев подъезжал к «ресторану» с вооруженной охраной, всех «грузил» на автомашины и отправлял на прииск. Так вольнонаемные, бывшие заключенные, оказывались в забое на весь промсезон. Жаловаться было некому. Под стать Гакаеву был его заместитель — майор Анисимов. Казалось, на объекты он ходил только затем, чтобы развлечься, — почесать кулаки. Рукоприкладство было его повседневными любимым делом...

В первых числах марта нашу бригаду отправили на прииск Джелгалу строить гидроэлектростанцию.

...Колыма жила не в каменном веке, а в деревянном. Рубили лес, строили дома, приборы, многокилометровые водоводы, мосты — все из дерева. Решили а гидроэлектростанцию построить из дерева. Рабочая сила — от землекопа по академика. Прикажи — вечный двигатель соорудят. В поселке Ягодный инженеры Краснощеков и Трояновский построили сахарный завод, который должен был вырабатывать сахар из древесных опилок. Сахарная патока была получена. Чтобы получить килограмм сахара, надо было переработать двести кубометров опилок. Невыгодно. Поэтому завод перепрофилировали на витаминную фабрику. Выпускали экстракт стланика, кото-

рый включался в наш рацион как средство от цинги и как изолятор для покрытия электродов. В небольшом количестве завод вырабатывал стуженное молоко из орехов стланика. Инженер Колобков спроектировал установку для получения жидкого воздуха, который использовался на взрывных работах.

Инженеры Даншин, Валлерштейн, Носиков руководили строительством гидроэлектростанции. Несколько сот заключенных были доставлены на место строительства. Всех разместили в палатках. Нашим бригадиром был Кириллов. Бывший парработник, окончивший философский факультет института красной профессуры.

Русно реки перегородили дамбой. Образовали и укрепили водохранилище. Водопровод на станцию через холмы должны были проложить длиною в четыре километра. Все строилось без единого гвоздя. Днем и ночью работали...

На прииске находился штрафной лагерь. На нашем объекте они не работали. Но... однажды принес дневальный пайки к обеду. &— мо шла бригада «штрафников». Они набросились на дневального и начали расхватывать хлеб. Мы бросились на выручку. Схватили все, что попало под руку: началась страшная драка. Охрана начала стрельбу в воздух. Безрезультатно. Затем дали залп по Тонне. Битва прекратилась. Четверо оказались убитыми, человек пятьдесят — ранеными. С нашей стороны трое было тяжелораненых. Один скончался, не дождавшись помощи...

...Пуск станции состоялся в середине мая.

...Вся страна работала на войну. Нас вновь отправили на прииск Ягодный. Никаких станков, никакого оборудования. Старый профессор сконструировал печь, где можно было производить цементацию и плавить бронзу. А в поселке Сенокосный в кузнице изготавливали железные болванки для трехгранных и плоских напильников. Насечки делали зубилами вручную...

...На строительстве технического склада ремонтного завода я получил тяжелую травму. Рухнули песа, и я с большой высоты упал на доску, из которой торчал металлический костыль. Упал спиной. Когда подбежали товарищи, то увидели — на груди киз прорванной фуфайки торчит конец костыля... Я был в сознании, но не мог двигаться и говорить. Бригадир запретил меня поднимать:

— Видите, — проткнут насквозь. Поднимем, кровь хлынет — и конец.

Пришел врач. Оказалось, костыль пропен между рукой и телом, не задев жизненно важные органы. Через час вернулся пар речи. Началась сильная рвота с кровью. В стационаре пролежал около месяца. Лечения — никакого. Победила молодость. Вышел на работу. Определили инструментальщиком. Физической нагрузки стало меньше.

НАКАЗАНИЕ

Работа в инструменталке оборвалась внезапно. Начальник стройдвора Георгий Иванович Жданов попался на какой-то «коммерции с досками». Несмотря на то, что я никакого отношения к сделкам не имел, инструменталку пришлось сдать. На мое место назначили Петю Маврина. Предупредил, что все круги циркулярных пил, наждаков с трещинами. На них работать надо с чрезвычайной осторожностью. Я себя закрывал при работе железным щитом. Петр, видно, не внял моим советам. Утром следующего дня узнал: при заточке циркулярной пилы разлетелся точильный круг. Осколком Маврину выбило глаз, перебило скулу, выбило четыре зуба. А я с этими кругами работал почти год...

...В марте 1945 года у меня заканчивался срок. С волнением ждал 20 марта. Никакой реакции со стороны начальства! Вечером обратился к руководству. Объяснили: задержан в лагере до конца войны. Вскоре за самоотверженный труд в числе других был представлен к досрочному освобождению. Как раз закончилась война. Но тут новое объяснение — продолжается война с Японией. 10 августа кончается и эта война. Мне отвечают: задержаны в лагере до особого распоряжения. И я понял: это навсегда.

ЯРМАРКА НЕВЕСТ

Колыма — особый режим обитания. Освободившиеся заключенные не имели права выезда. Их трудовые права а зарплата оговаривались особыми инструкциями. Мы почти два года не имели права на какие льготы, северные надбавки. Создать семью не было возможности. Если аз женских лагерей кто-то освобождался, они сразу выходили замуж за тех, кто находился поблизости к этим лагерям.

И вот в 1945 году руководство Дальстроя проявило заботу, о нас. Объявили комсомольский призыв девушек в центральных районах страны на стройки Дальнего Востока.

Для поселка Ягодный управление выделило двести пятьдесят комсомолок. Мы отремонтировали для невест жилье. Настал долгожданный день. Улица была запружена народом. Усиленная охрана. Подходят машины. Дальстрой девушек принял достойно: всем выданы «американские подарки» — обувь, одежда. Как и подобает — невесты богатые. Прибывших девушек разобрали тут же. Через несколько дней бараки, которые мы готовили для них, опустели. Колымская ярмарка невест завершилась, появились первые семейные колымчане...

...Колымское лето скоротечно. Осени почти нет. Листья на деревьях опадают за день-два. И сразу — снег. Очередная зима моей каторги. Наступит ли освобождение? Наступил душевный кризис. Разум требовал решения — жить дальше или нет. Апатия ко всему.

Строили дом. Утром прошелся по стройплощадке, поднялся на второй этаж, посмотрел на панораму поселка.

Спустился вниз и заявил десятнику, что работать не буду. Повернулся и молча пошел в сторону лагеря.

Отказ от работы рассматривался как саботаж. Могли приговорить к расстрелу. Мне этого и надо было. Рано или поздно с такой жизнью надо было кончать. Зашел в барак, разделся, лег. Вечером в бараке все ждали трагической развязки со мной. Открывается дверь. Начальник Тимошкин говорит:

— Позовите Кусургашева.

Подхожу.

— Вы понимаете, что сегодня совершили преступление? Дело в трибунал передавать не буду. Выбирайте: двадцать суток карцера без вывода на работу со штрафным довольствием или двадцать суток с выводом на работу и штрафным пайком.

— На ваше усмотрение, гражданин начальник, — ответил я. Утром нарядчик ведет меня в контору лагеря и говорит:

— Начальник лагеря назначил тебя заведующим хлебной каптеркой.

Я без движения стоял несколько минут, не понимая, что произошло. Наваждение! И я приступил к новой, райской работе.

Суточный расход хлеба был до двух тонн. Работа была кругло-суточной. Хлеб был белый. Из американской муки. Изредка завозили серый. На этой должности проработал всю зиму. В конце марта 1946 года вез теб на подводе. Вдруг меня окликает начальник отдела капитального строительства Лебедев:

— Завтра освобождаешься досрочно по моему представлению. Переходишь работать ко мне.

Ноги стали ватными. Когда пришел в себя, начальника уже не было. Действительно, в лагере мне объявили, что освобождаюсь. В каптерке обули в новые валенки, дали ватные брюки, телогрейку. Выдают справку об освобождении. Вместо фотографии ставлю от-вск большого пальца правой руки и расписываюсь. Это было 29 марта 1946 года...

...Радость освобождения описать невозможно. Хочется бежать с распростертыми руками куда глаза глядят и хватать, загребать ок-ружающую свободу, пространство, вселенную! Живой и свободный! А потом вопрос: так за что же молодость погубили?! За что столько унижений?! Я был не человеком, а штукой. И вот — на одну штуку стало меньше. Но все — в прошлом! Свобода!!!

Иду за дальнейшей, вольной судьбой в вольный отдел кадров. Предъявляю начальнику справку Об освобождении, а он секретарю:

— Выпиши ему путевку на прииск Туманный рабочим в шахту.

— Гражданин начальник, почему даете приказание без моего согласия? Я вольный человек, и на меня распространяется Конституция СССР.

— Видал, какой умный! Срму Конституцию подавай. Больше тебе ничего не надо?

Но случайно тут оказался заместитель начальника прииска Пятилетка Карлов Николай Петрович. Он знал, какие у меня золотые руки и какая голова. Состоялся разговор двух начальников, и я оказался в должности коменданта поселка.

Быстро включился в круг новых обязанностей. Все стало налаживаться. А потом — первый выходной. Весь день решил проспять. Ведь я почти десять лет не имел выходного. Но не тут-то было! В комнатуху вваливается мужик с пропитым лицом:

— Дмитрич, выручай. Тебе жена не нужна?

Я удивился и сказал, что не нужна.

— Уто делать? Вчера в поселок Спорный привезли на освобождение много женщин. Я крепко выпил. Ничего не помню. Не помню, как домой приехал. Просыпаюсь, а у меня... молодая женщина. Говорит, что я на ней женился. А ведь У меня дома жена, взрослые дети. Выручи. В долгу не останусь.

Поблагодарил и сказал, что ничем не могу помочь. Закрыл дверь. И весело рассмеялся. Так началась моя вольная колымская жизнь.

НА ВОЛЮ!

Писалось все в сложной психологической борьбе с самим собой. С большим интересом читал рассказы, воспоминания бывших заключенных. К сожалению, в силу особого режима секретности золотодобывающей отрасли события тех времен получили ограниченное и одностороннее освещение. В основном пасажи и пишут о лагерно-бытовой стороне колымского бытия. Произвол, неустроенность быта, отсутствие надлежащего медобслуживания, скудное питание. Все это было. Насколько правдиво — на совести каждого пишущего. В воспоминаниях бывших руководящих работников описаны первооткрыватели Колымы. И никто из них не упомянул заключённых. Бывший генерал Цареградский в двух книгах пространно описал геологоразведочные экспедиции, но не рассказал, как он руководил всеми и всем, что было на Колыме, вместе с генералами Павловым, Никишовым, Петренко. Только непосредственные участники тех событий могут рассказать, как все это было. Нас мало, чудом оставшихся в живых. От их имени я и попытался изложить только факты. Я не писатель. Но добавлю к написанному, расскажу о том, что вольному был запрещен выезд за пределы Колымы. Встреча с матерью так и осталась несбывшейся мечтой. Она умерла в 1951 году. В 1952 году постановлением особого совещания при МГБ СССР я был определен в ссылку до особого распоряжения. Реабилитировали в 1954 году. Окончил заочно два высших учебных заведения. Работал на финансово-экономических должностях на приисках Ягодинского горно-обогатительного комбината, начальником финансового отдела Тенькинского и Билибинского горно-обогатительного комбинатов. До 1977 года — начальник планового отдела Билибинской атомной станции. Итак, прошло сорок безвы-

ездных лет на Колыме. Я полюбил этот край. Девственная природа с обилием дичи, рыбы. Мы с женой на самодельных лодках проплыли по всем основным речкам Чукотки. Я хорошо знаю жизнь чукчей, эвенков — настоящих героев сурового края.

С 1977 года на пенсии и живу в Воронеже.

Долгожданная вольная жизнь наступила. Лагерь за спиной. получай паспорт — и на все четыре стороны! Живи в свое удовольствие! Ан нет...

Получай справку об освобождении. Вместо фотографии — дактилоскопический оттиск большого пальца правой руки. Паспорт получишь в отделе кадров, куда тебя направят на работу. А в паспорте указано — «выдан с применением статьи 39 положения о паспортах». Где можно прочитать про «положение»? Нигде. В отделе кадров тебе пояснят, что, согласно этой статье, не имеешь права проживать в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик, областных центрах, курортных городах... Где можно проживать? Никто не ответит, но пояснят: киз Колымы без разрешения Управления Дальстроя НКВД СССР выезд запрещен.

Лагерь sac передал в отдел кадров Горного управления Дальстроя, а те — в отдел кадров прииска. Те и другие находятся в ведении НКВД.

Главными органами управления этого тоталитарного государства была система политотделов во всех структурных подразделениях. А там — только военные. В Дальстрое даже главный бухгалтер был в звании полковника.

Чудом оставшийся в живых представлял частицу нового сословия. В биографии представителей этого сословия было одно — «бывший заключенный». Особый класс условно свободных людей. Между собой мм друг друга называли крепостными.

Действовала масса секретных инструкций. Жаловаться было некому и некуда. В Северном горнопромышленном управлении Начальником отдела кадров был подполковник Селезнев, бывший Начальник Севлага. С «материка» прибывали только руководящие работники приисков и управления: мастера, начальники участков и предприятий. Перед нами у них было большое преимущество. Они получали десятипроцентную надбавку к зарплате через шесть месяцев работы. А бывший заключенный — через восемнадцать месяцев. Подобная дискриминация и с правом на отпуск. Договорник мог вы-

езжать в любую точку Союза. Оплачивался проезд к^и время в пути раз в три года. Бывший заключенный мог использовать отпуск только на месте. Можно перечислить массу инструкций, призванных нас унижить, лишить каких бы то ни было прав.

КОЛЫМСКАЯ СВОБОДА

Поселок прииска Пятилетка располагался в 449 километрах от Магадана. Сюда я направлен комендантом. Моя задача: обеспечить дровами для отопления конторы управления и других общественных организаций. Остальные здания отапливались самими жильцами. У начальства была прислуга, которая делала все хозяйственные дела...

Подвозка дров за 150—200 километров автомобилями шла с перебоями. А колымские зимы — это 40—50 градусов мороза. Иногда приходилось закрывать конторы и всех работников отправлять на сопку за дровами. До меня комендантом здесь был Шеврин Абрам Хаимович, который совмещал и должность снабуполномоченного. Имел резерв хлебных талонов. Ими и стимулировал бесконвойных заключенных на заготовку дров. Мне же совместительство не дали. За несколько дней до моего прибытия были вывезены с прииска все заключенные. Остались одни вольнонаемные. Так что помощи — никакой. Через несколько дней зазывает меня в кабинет главный инженер прииска Чунусов Александр Васильевич. Высокомерный грубиян. Он на меня с криком: «Долго, сволочь, думаешь нас морозить?!»

Объясняю, что из-за пурги машины не могут преодолеть заносы. Последний запас дров по указанию начальника прииска держим для пекарни. Слушать он меня не стал. Открыл дверь и рявкнул: «Разуваев! Срочно приказ о направлении этого... шурфовщиком на участок. А «кадры» пусть подберут нового коменданта».

После этого я решил обратиться к начальнику прииска старшему лейтенанту Капитонову Василию Захаровичу. Он был с обрюзгшим лицом кумачового цвета. Напоминал неопохмелившегося забулдыгу после долгого запоя. Ему я высказал свое возмущение по поводу хамского поведения главного инженера. Невнятным голосом начальник бросил: «Идите, разберемся».

А в это время прииск оживленно обсуждал недавнее событие — ограбление приисковой кассы. Случай для Колымы редкий. Граби-

тели были пойманы. Это были бесконвойные заключенные соседнего лагеря. Ограбление было допущено по халатности кассира. Из кармана его телогрейки заключенный, принесший дрова, выкрал ключи. Представившись электромонтерами, заключенные дежурному объяснили, что приказано ночью отремонтировать электропроводку. Затем оглушили дежурного, забрали из кассы облигации, деньги.

Кассир был арестован. Требовался новый кассир. Главный бухгалтер и начальник отдела кадров предложили на эту должность Меня. Комендантские дела сдал, принял кассу.

Работа была беспокойная и ответственная: пять участков разбросаны на большом расстоянии. Транспорта нет. В месяц надо получить, развезти, раздать более миллиона рублей. С увлечением начал изучать финансовые дела. Управляющий госбанком Чупраков Иван Алексеевич оказался внимательным и доброжелательным человеком. Благодаря ему получил доступ к банковским инструкциям по финансированию и кредитованию промышленности. Затем я окончил двухгодичные заочные курсы при Московском финансовом институте и финансовый техникум. Все окончил за один год с отличием. Это и определило мою будущую трудовую деятельность.

Особое положение выпускаемой «сверхсекретной» продукции, золота, ограничивалось ста с небольшим днями и году. Привлекались значительные суммы кредитов. И при этом совершенно необъяснимой была цена на золото, которая до семидесятых годов оставалась на уровне 1927—1928 годов. И предприятие, добывавшее самый ценный валютный металл, оставалось с планово-убыточными результатами.

...Постепенно смирился со своим ограниченным вольным положением. На мои неоднократные просьбы разрешить съездить на «материк» к маме получал отказ. Отец у меня умер еще в 1943 году. Единственное, что мог, — отсылать маме небольшую сумму денег. Завидовать нечему — жизнь моя мало чем отличалась от лагерной. Жил в общежитии. Столовой в поселке не было, поэтому каждый готовил пищу, как мог. Карточный паек был довольно скудным — и тут радости и роскоши не было. Вино-водочных изделий в свободной продаже не было. Был спирт, который мог выписать только начальник прииска. Так что никаких пьяных разгулов, обычных веселий не было. Все были заняты трудом.

...Колыма — край необжитый, нетронутый. В изобилии водилась дичь — куропатки, зайцы, водоплавающая птица... Но все это недоступно, потому что не было ружья. Каково это было переживать мне, потомственному охотнику... И все-таки счастливый случай подвернулся, и я стал единственным обладателем охотничьего ружья.

В двадцати километрах от прииска располагалась войсковая часть. Пришел приказ о ее передислокации. У офицеров и солдат было много денежных вкладов в сберкассе поселка. Всю войну и послевоенные годы они регулярно получали пайковые табачные изделия. Пачка махорки или папирос стоила 100—200 рублей. Продажа всего этого тоже была хорошим денежным подспорьем для военных. И вот надо срочно рассчитать весь полк и закрыть счета в сберкассе.

Георгий Кусургашев на Колыме с охотничьими трофеями.

Снимок взят из книги С.А. Голышева «Мыски. Истоция. Свдьбы. Современность»

Мобилизовали большую группу финансовых работников, в которую попал и я. Познакомился с командирами, начальниками, многие из которых были охотниками. Мне удалось купить интересное ружье у начальника боепитания. Ружье сделали умельцы-заклученные, бывшие мастера из Тулы и Ижевска. Это было настоящее произведение искусства! Много трудов положил, чтобы получить разрешение на хранение и ношение ружья. За меня ходатайствовало руководство прииска. В итоге — огромная радость! Но и проблем объявилось немало. В итоге — кроме гильз, ничего не было. Бывший владелец был не охотник, а любитель красивых вещей. Боеприпасы есть на базе, где

начальником полковник Игнаков. Пришлось руководству прииска обратиться к нему с письмом: мол, для испытания новых средств взрывания требуется порох. Так я получил двадцать пачек пороха, которых мне хватило на несколько лет. Началась новая интересная жизнь! Изготовил дробь и другое снаряжение. Все друзья помогали с энтузиазмом.

...Колыма. Здесь нет дремучих хвойных лесов. Есть довольно рослый кустарник. По склонам сопок — редкий лиственный лес и красивые опушки густого раскидистого стланика. В осеннее время обилие ягод: брусника, голубика, морошка, шиповник...

Пройдя километра два по заросшему высокой травой склону, спугнул выводок тундряных куропаток. Вскоре с шумом поднялся огромный глухарь. Подумал о том, что нужна хорошая собака. Надо взять глухаря! Осторожно, без резких движений, начинаю ход. Прометр не более десяти метров — с правой стороны вылетает каплуха, а за ней два птенца. Пролетев метров сто, расселись на сучьях листвяка. Вполне на расстоянии выстрела. Волнение огромное! Слышу, как пульсирует кровь в висках... В этом первом походе я взял глухаря и одного птенца. Это был каменный глухарь. Он меньше обычного сибирского глухаря и отличается рисунком на хвостовом веере.

С этого дня наш стол стала разнообразить отличнейшая дичь.

* * *

Однажды поздней осенью остановился в заброшенном лесном бараке. Была пора перелета гусей. Поздно вечером на двух легковых машинах подъехало большое начальство из Горного управления и Магадана. А я подбирал удобное место для устройства ночного скрадка. Для ночной охоты надо было так расположить скрадок, чтобы на противоположной стороне был низкий горизонт — тогда ночью больше водной поверхности просматривается. Когда наступили сумерки, со стороны барака раздались громкие веселые гопоса, выстрелы. Охотники шли на ночной «бой»... Всю ночь с их стороны шла пальба. Я же прицельно поразил двух гусей одним выстрелом из своей двустволки. Затем снял третьего. Пошел к бараку за своим рюкзаком.

Начальники уже проснулись. Один из них затапливал железную печь. На столике — следы ночной трапезы. И — никаких трофеев.

— Как успехи? — спросил один.

Это был главный инженер Северного горнопромышленного управления инженер-полковник Талаболин.

— Три гуся, — ответил я. Подошли еще двое. Стали расспрашивать, где и как и их подстрелил. Рассказываю. Талаболин спросил:

— А кто вы по национальности?

— Едва ли вы знаете такой народ... Шорец а.

— Вы из Горной Шории?!

Оказалось, что он после окончания горного института в составе геологоразведочной экспедиции провел там два сезона. Маршрут экспедиции начинался из унуса Акколь.

Это был поселок моего детства и моих предков. А инженер-полковник рассказывал, какой вкусный хлеб пекла одна из жительниц этого унуса. Не удержался, спросил:

— Кто был вашим проводником?

— Шорец из поселка Сыркаш. Имени не помню.

— А по-нашему у него было прозвище Поракий, то есть Воробей, — подсказал я. Это был старый и мудрый человек, знавший всю тайгу Горной Шории, как свой дом. Его услугами пользовались все экспедиции. Он был известен в Ленинградском и Томском горных институтах. Узнал позже, что он погиб в поединке с огромным медведем.

А женщина, которая пекла хлеб, была моей матерью... Признаться, что это была моя мать, и не решился. Приятно было, что спустя столько лет человек помнил мою маму. Я боялся одного: зададут вопрос про меня — откуда, кто, как оказался на Кольме? Все-таки они чины НКВД. Вдруг как-то захотят показать свою власть — могут и ружье отобрать. Но все обернулось просто. Инженер-полковник, когда остались вдвоем, мне говорит:

— Те двое, генерал и полковник, начальники из Магадана. Дай мне два гуся. Я их одарю — они будут довольны. В долгу не останусь.

Я как будто всю жизнь ожидал этой просьбы:

— Оставляю вам Трех гусей — распорядитесь ими, как угодно. А мне бы... Если есть патроны — одолжите.

И получаю целый блок заводской зарядки патронов! Состояние! Теперь — как можно подальше от этой компании. Но инженер-полковник задержал меня и сунул в рюкзак бутылку коньяка. Пожал

с благодарностью руку. Я же, не попрощавшись с остальными, зарослями ивняка быстрее пошел восвосяи.

...Прииск Спокойный был создан в конце сороковых годов. Набрал мощностъ, и был отнесен к первой категории. В мае 1949 года меня назначают финансистом этого прииска. Места нетронутого песа с множеством ручьев и речек. Рай для любителей охоты и рыбной ловли. Дорог не было. Сообщение катерами по реке Колыме. Тут еше были заключенные — главная рабочая сила. Надо сказать, что приток «врагов народа» почти прекратился. Переход приисков на вольнонаемный состав был довольно-таки болезненный. Особенно большие хлопоты создавали прибывшие по договорам: требовали квартиры, детсады, ясли, школы... Колымские начальники к этим требованиям относились болезненно. Возникали серьезные конфликты.

Прииск Спокойный был особый Всеколымский штрафной для каторжников и неисправимых рецидивистов, многократно судимых уголовников. Лагерь был строгорегимный...

...Мой переезд выпал на половодье. Полная распутица. На катере довели до места, от которого надо было добиваться на машине. Был поздний вечер. Нас около тридцати человек. Разожгли мощные костры. Предстоял ночлег под открытым небом...

Весенние белые ночи на Колыме незабываемы. Всю ночь не смолкает птичий гомон, который сопровождается гортанными криками тундряных куропаток. Всюду торжество весны! Я был восхищен окружающей природой! Трудно было скрыть радость, а поделиться с нею было не с кем. Ночь не спал. Мечтал о будущем. Доберусь в центр этого рая для охотника и построю себе маленький домик. Это я сумею. Такого обилия и разнообразия водоплавающей птицы я больше нигде не видел. Это представить невозможно! Даже были какие-то экзотические утки, у которых оперение, как у куропаток...

...Госбанк находился в поселке Ягодный. И путь сюда был сложным. В летнее время надо было добраться по берега Колымы, затем на катере до поселка Дебин, а там — на попутной машине до Ягодного. Этим же маршрутом безо всякой охраны надо было инкассировать денежную наличность и отгружать готовую продукцию — золото. Дело сложное и рискованное.

Начальником прииска был техник-лейтенант Салматов Антон Николаевич, главным инженером — Богданов Евгений Иванович, с которым мы в 1937 году на прииске Штурмовой работали в одной забойной бригаде.

Спокойный даровал мне и еще одно счастье, кроме чудной природы, — через месяц я здесь женился.

Девушка прибыла по путёвке после окончания института. Работала экономистом планового отдела. Шаг в моем положении был смелый и опрометчивый. Никто не знал, что готовит судьба... А она, действительно, оказалась коварной, трагической...

Все обошлось скромно и тихо. Только капитан госбезопасности Фатхиев вызвал меня в кабинет и учинил внушение:

— Мне стало известно, что вы женились на девушке, прибывшей по направлению из учебного заведения. А известно ли вам, что вы должны были об этом поставить в известность заместителя начальника прииска по политической части и меня?

Я извинился. Сказал, что не знал, но впредь больше подобного не повторится. Капитан меня поздравил. Тогда я не задумался, к чему состоялся этот разговор. Вскоре выделили комнату в шесть квадратных метров с железной печкой. И стала семья обживать Колымский край основательно и надолго...

Большие неприятности возникали с отгрузкой золота. Перевозкой занималась спецсвязь, но из-за транспортных неурядиц дело доходило до курьезов. Вызывает начальник прииска:

— Горит план. Если мы сегодня не отправим продукцию, нас разгонят. Спецсвязь за металлом приехать не может. А тебе нужно в банк, попутно доставишь металл. Сдашь в золотоприемную кассу Управления. Другого выхода нет.

— В соответствии с инструкцией, этого делать мы с вами не можем; нет страховочного снаряжения для перевозки по реке и нет охраны.

— За все отвечаю я. Выполняйте приказ.

...В мешке сорок килограммов золота. Вышел на трассу. Головую. На попутном грузовике доехал до Ягодного. Уже темнело. В кассе от моей ноши категорически отказываются. Принимают только от спецсвязи. Мешок на плечо — пошел в спецсвязь. Связисты со мной не стали разговаривать:

— Груз принимаем только в кассах приисков.

Опять мешок за спину и к дежурному МВД. Уже поздняя ночь. Докладываю дежурному о своем положении и прошу доложить по инстанции начальнику управления полковнику Туманову. Буквально через несколько минут два стрелка охраны сопроводили меня в золотоприемную кассу.

* * *

...Жить на этом прииске было интересно из-за отличных природных условий. По долинам и сопкам водилось несметное количество тундряных и горных куропадок. Весной — изобилие токующих глухарей. На озерах — множество водоплавающей птицы. Много было и пушного зверя: белка, горноста́й, рысь, росомаха... Охота и рыбная ловля разнообразили наш рацион питания.

Производственные дела прииска шли хорошо: внедрение новой техники и изобретательство были на высоком уровне. Конструкторскую группу из заключенных инженеров организовал главный инженер Евгений Иванович Богданов. Здесь был испытан первый цельнометаллический промывочный прибор, который потом внедрили на многих приисках. Богданов был конструктором-новатором. Впоследствии его способности оценили — назначили начальником Центрального конструкторского бюро Дальстроя. Благодаря ему было реализовано много смелых замыслов. Мне на себе довелось испытать тяжкое бремя его инициативы.

В один из дней ранней весны в разгар подготовки к промывочному сезону меня вызвал начальник прииска Мамилов Алексей Аввакумович. Безо всяких предисловий предложил должность начальника строительного цеха. До этого на этой должности работали договорники с «материка». Из-за постоянных угроз заключенных они увольнялись месяца через два-три. Много хлопот приносили и бесконвойные уголовники. Дела строительные были в запустении. Я дал согласие при выполнении нескольких моих условий...

Первое: посчитал аморальным строительство барака усиленного режима с камерами для наказания с площадью 50 сантиметров на 50 сантиметров.

Второе: разрешить построить дом на две однокомнатные квартиры. Одну для меня, а вторую — на усмотрение руководства прииска.

Начальник прииска дал указание по строительству барака усиленного наказания с учетом моих предложений. Второе условие также принял безоговорочно.

...На объектах работали в основном заключенные из Западной Украины. Очень хорошие мастера: плотники, печники, штукатуры...

Контору цеха я перенес в зону. Десятники и мастера не все правильно поняли мой шаг. Поэтому с некоторыми пришлось расстаться. Наше присутствие в зоне положительно повлияло на дисциплину, на взаимопонимание «начальства» и подчиненных. Много усилий пришлось приложить, чтобы упорядочить работы по заготовке леса. Установили приемлемые человеческие нормы. Выполнил норму — свободен. Это заключенные восприняли с энтузиазмом. Договорился с магазином о выделении сверх нормы хлеба лесорубам.

Стали поставлять дополнительно и другие продукты. Так установился порядок и спокойствие. Если до этого из лесной бригады старались уйти, то теперь, наоборот, к нам стали проситься.

...После войны была отменена смертная казнь. Безусловно, положительный шаг. Но при наличии в некоторых лагерях избытка уголовного элемента пришлось встретиться со страшным явлением преступного беспредела. Особенно это коснулось лагерей строгого режима. Там процент заключенных с предельными сроками наказания был довольно высок. Для них теперь любое преступление оказывалось ненаказуемым — свон 25 они получили. Был всплеск убийств и других тяжких преступлений в лагерях. Совершенно в беспомощное положение было поставлено руководство. Каждый день совершались преступления и на прииске Спокойный. Были нападения на работников лагеря. Чудом спасся старший лейтенант медицинской службы, на которого напали двое бандитов с пиками...

* * *

...Однажды мне передали записку, написанную малограмотным человеком, — множество ошибок, корявые печатные буквы. На тюремном жаргоне ко мне обращались с просьбой, чтобы я востребовал автора к себе в стройцах. Пишет, что знает меня по Старокузнецкой тюрьме. Фамилия, имя, отчество. Срок 25 лет.

Написал начальству ходатайство, а мне говорят: «Затребованный вами заключенный выводу на работу за зону не подлежит. Ре-

цидивист. Имеет множество преступлений». Я заявил, что ответственность всю беру на себя. Через два дня моего «знакомого» под конвоем доставили в контору.

Да, мы с ним вместе находились в одной камере в 1937 году, когда следователь меня за «запирательство» в порядке наказания во дворил в камеру, где содержались неисправимые бандиты. Григорий Крупницкий — главарь камерной блатной братии. Молдаванин. Красивый, отважный парень! Но сейчас он был совсем иным — изменился до неузнаваемости... Оказалось, что он теперь не Григорий, а Коля. Да и фамилия другая. Трижды за это время был на свободе. Но тут он понял — из Спокойного побег невозможен. К тому же — срок лет. Появились усталость и тоска по спокойной жизни. Х ему сказал: «Чем могу, помогу». Он прослезился и дрожащим голосом попросил, чтобы а дал ему работу столяра.

Григорий когда-то был моим спасителем. Когда камерная шпана хотела раздеть меня и проиграть в карты одежду, он всех разогнал и дал место на койке. Почему тогда он вдруг ко мне проникся особыми чувствами — загадка.

Посидели, попили чай. Страх а перед ним не испытывал. Хотя понимал: в преступном мире никакой начальник не может быть своим человеком. Но я знал и другое: если за начальником нет никакой «подлости», то его могут терпеть. Главное — никогда не обещать невыполнимого. Коля пообещал — выполни.

Я взял лист бумаги, набросал эскиз этажерки — дал на пробную работу. Времени — пять дней. Он оказался незаурядным мастером. Все делал красиво и быстро. Кроме того, благодаря ему в цехе улучшилась дисциплина. Он работал со мной, пока а находился в должности начальника стройцеха. Никаких замечаний, претензий у меня к нему не было.

* * *

...Прииски строились по принципу: «Давай золото, а потом разберемся»... Издавался приказ о создании прииска. Через считанные дни в палатках жили и работали строители, забойщики. Месяца через два прииск давал золото. Все выполнялось без всяких проектов, смет и утверждений. Все гарантировалось наличием высококвалифицированных кадров по всем специальностям...

* * *

Все приходило в норму. Подобрал хороших бригадиров, изучил рабочих. Главное, организовал нуждающимся дополнительный хлебный паек за наличный расчет. Все шло без осложнений, пока не развернулось строительство промывочных приборов. Незначительные переделки по указанию главного инженера а выполнял без особого возражения. Он почувствовал мою «податливость», и «указания» всякого рода участились. А это стало вызывать срыв сроков строительства и расточительство средств и материалов...

...Однажды звонит главный:

— Посылай конвойную бригаду. Надо развернуть шлюзовую эстакаду. Куда и в каком направлении сделать сброс, покажу на месте.

— Я иду к вам в контору. Надо все оформить документально и переделку утвердить у начальника прииска. То, что вы предлагаете, вызовет затяжку стройки дня на три.

Встретились у конторы. Главный на меня набросился с криком:

— Если не выполнишь указание, сниму тебя с работы!

Хлестнул лошаденку и ускакал.

Я дал плотникам указание ничьих приказов без меня не выполнять. Сам зашел к начальнику прииска и доложил о конфликте. Вмехали на место. И начальник при мне спокойно сказал главному:

— Оставить все, как есть. Никаких переделок.

Хотя скажу: главный был человеком с головой. Изобретательская мысль у него работала, но он превышал свои полномочия, лез не в свои сани. За голову я его уважал, но не за характер. Он создавал цельнометаллические промприборы, самородкоуловители, бурильные приспособления. Однажды сконструировал промывочный прибор, часть которого была изготовлена в Магадане, а все остальное на Ягодинском ремонтном заводе. В середине мая при перевозке агрегата на тракторных санях через реку Дебин проломился лед. Груз вместе с трактором исчез в водной пучине. Убытки были больше миллиона рублей. Госбезопасность начала следствие. Но люди и там были хорошие — понимали, чем может все это кончиться для главного. Было решено уголовное дело прекратить и представить документы на списание убытков. Была создана комиссия, в которую

меня назначили председателем. Когда стал знакомиться с документами, то оказалось, что акт о случившемся был озаглавлен так: «Акт об утоплении трактора и саней с грузом». Вот поэтому и занялись этим делом товарищи из госбезопасности. Когда те разобрались, посоветовали переписать акт. И вот передо мной второй акт, составленный заместителем по хозяйственной части прииска майором Нечепуренко: «Акт о вхождении трактора с грузом в воду и оттуда Нечепуренко».

И смех и горе. В конце концов, все оформили по правилам, убытки списали. Обошлось все благодаря позиции, занятой начальником прииска. А вот на приiske Пятилетка в 1948 году случился простой экскаватора. Доложили по инстанции. Прибыл военный трибунал. Начальника экскаваторного парка нашли на полигоне. В карьере председатель военного трибунала задал начальнику два-три вопроса и зачитал приговор: «Начальника экскаваторного парка Морозова осудить на три года лишения свободы». Тут же Морозова взяли под стражу.

* * *

Зимой 1950 года была попытка группового побега заключенных. Вовремя побег был предотвращен. Но начальник прииска Мамилев Алексей Аввакумович за незнание обстановки на своем участке был снят с работы. На его место назначили Волкова, одного из бывших геологов. Пробыл в должности неделю. Выехал в командировку, в управление и не вернулся. Оказывается, ему ночью в форточку квартиры кто-то бросил записку с угрозой: если немедленно не уедет с прииска — будет убит...

* * *

На приiske Спокойный нами был построен единственный дом, в котором квартирами назывались комнаты площадью 6X6 метров. Иметь такую квартиру — счастье! Главная проблема — кровля. Любое покрытие из-за резких температурных перепадов быстро выходило из строя. На нашем приiske кровельный вопрос был решен благодаря белорусским мастерам — они предложили изготавливать

прекрасный кровельный материал из отходов древесины. Такие крыши, говорят, в Белоруссии не редкость.

* * *

Осенью 1951 года на строительстве промывочного прибора я был тяжело травмирован. Перелом обеих костей правой голени. Надлежащего лечебного учреждения на прииске не было. По бездорожью более ста километров меня везли на перекладных...

...С большими мучениями был доставлен в больницу поселка Ягодный. Главный хирург Валентин Николаевич Траут успокоил:

— У вас «прекрасный» многоосколочный перелом обеих костей голени, но не волнуйтесь, вашей ноге придадим нужную форму — с балеринами танцевать будете...

Это был опытнейший хирург, который отбыл в заключении большой срок, теперь работал вольнонаемным. Санитаром был дядя Федя. Мощного телосложения мужчина, бывший матрос с Балтики — отбыл на приисках Колымы десять лет. Теперь он накладывал гипс на мою ногу. Больных в операционную палату носил на руках, как детей, играючи. При этом говорил всякие шутки.

...Через два месяца с костылями я вышел на работу.

* * *

...Еще в больнице услышал, что участились случаи тюремной изоляции бывших политзаключенных. Заканчивалась зима, начиналась горячая пора подготовки к промывочному сезону. Апрель 1952 года. В контору заявляется курьер: меня срочно вызывает начальство. Вручили под расписку извещение с предписанием немедленно прибыть в Ягодный в управление госбезопасности в кабинет №15 к лейтенанту Шатунову. Секретарь начальника прииска сказала, что старший лейтенант госбезопасности Чикин предупредил: если я немедленно не выеду, он меня отправит под конвоем. Зашел к начальнику прииска. Выслушал меня и сказал:

— Ничем помочь не могу.

Вышел и тихо побрел по заснеженной, заметенной пургой топе домой. Если бы я был один — куда ни шло. Ведь жена, дочка. Вспомнил слова капитана госбезопасности Фатхиева, который после

мой женитьбы сказал, что надо прежде всего этот вопрос согласовать с ними... В тяжких раздумьях добрел домой. Все рассказал жене. Предупредил, что, возможно, меня ожидает худшее. Выбора не было — надо идти. На дворе пурга, дороги заметены, машины не ходят. До центральной трассы 25 километров.

Время клонилось к вечеру. Быстро собрался. С не совсем здоровой ногой, пешком, по бездорожью, в ночь, прихрамывая, отправился в путь. А теп к горю и страданию, готовый опять быть водворенным в лагерь... Было больно, что в свое горе втянул молодую женщину. Оставляю ее с ребенком одну в суровых условиях севера. Шел на пределе сил в снежной круговерти — по глубоким сугробам навстречу неизвестности. Ориентировался по едва заметным дорожным вешкам.

Понимал, что надо выдержать и этот экзамен. Главное, не пасть духом. Не может быть, чтобы беззаконию и произволу не было конца. Я должен выстоять. Правда и справедливость существуют. Придет лучшее время, а пока надо быть готовым ко всему. Шел, останавливался, шел опять. На рассвете вышел на трассу. Ждать пришлось недолго — движение оживленное. Сел в кабину грузовика. Перекинулся несколькими словами с водителем и задремал. Шофер остановил машину и предупредил: если я буду спать, он меня высадит — смотрит на меня и сам засыпает. Это небезопасно! Извинился. Несмотря на страшную усталость, говорил и говорил — рассказывал о своей судьбе, о прошлом, настоящем. Утром приехали в Ягодный, и я в столовой попросил крепкого чаю, а после пошел по назначению.

Постучал в «нужное» мне окошечко. Лейтенант отобрал паспорт, военный билет, справку об освобождении. Все это сложил в папку. Из другой папки извлек небольшую бумажку, дал прочитать и попросил расписаться.

Это было постановление особого совещания: меня, осужденного в 1937 тройкой НКВД к 8 годам лишения свободы, приговорить к ссылке в районы Крайнего Севера до особого распоряжения. Предъявили другой документ, в котором указано, что местом ссылки является поселок Спокойный. Обязан раз в пятнадцать суток являться на регистрацию в спецкомендатуру поселка Пятилетка. За выезд с места ссылки на расстояние более пятнадцати километров подвергаюсь наказанию — 25 лет каторжных работ. Задаю вопрос лейтенанту:

— От Спокойного до Пятилетки более пятидесяти километров, а мне нельзя от места ссылки удаляться более чем на пятнадцать...

Лейтенант пояснил:

— Ездить не будете. В указанное время к вам будет приезжать спецкомендант.

На прииске Спокойный из ссыльных я был один. Если спецкомендант будет ездить за пятьдесят километров из-за меня, то я уж и не такая незаметная персона... Этим и закончилась процедура моего посвящения в ссыльные. Решил зайти к начальнику управления госбезопасности майору Челядину. Он меня принял.

— К вам просьба. Я потомственный охотник. У меня есть охотничье ружье, оформленное надлежащим образом. Прошу дать указание спецкоменданту, чтобы он не имел ко мне по этому поводу никаких претензий.

— Хорошо. Дам соответствующие указания.

...Бессонная ночь и напряжение нервов измотали меня так, что я едва стоял на ногах. Надо было отдохнуть. Но с новым документом меня в гостиницу не примут. Пошел к знакомому плотнику, рассказал ему о своих злоключениях. После короткой беседы лег и заснул мертвецким сном. В полночь проснулся — скорее на трассу! А потом опять пеший путь. Домой добрался к вечеру. Вера Степановна, жена, беспокоилась и переживала не меньше моего. Ее вызывал заместитель начальника прииска по политчасти майор Могиленко. Он предложил ей немедленно подать со мной на развод. Обещал всяческое в этом содействие. Обещал даже помочь определить ребенка в детдом — чтобы не оставлять никаких следов связи с «врагом народа». Я видел, что творилось кругом. Произвол и беззаконие. И я благодарен (вск) жизни своей жене за верность, за безропотные испытания, которые переносила вместе со мной. Ей было тяжелее...

...Я лишился всех выслуженных северных надбавок и прочих льгот и привилегий...

...Когда первый раз явился на прииск Пятилетка к спецкоменданту, он сам напомнил, что к моему охотничьему ружью у него никаких претензий. Комендант произвел на меня исключительно благоприятное впечатление. После беседы отметил в удостоверении явку на 15 дней вперед. Впредь пообещал отметки делать на месте, когда будет приезжать в Спокойный.

...Весна в Колымской тайге рай для охотника. В долине ручья Амандычан много глухариних токов. Я часто посещал их. Дичь у нас не переводилась. Делились с друзьями и соседями. Особенно помогал начальнику санчасти лагеря Вячеславу Александровичу Добжинецкому. Бывший врач одной аз клиник города Ростова отбыл большой срок заключения а остался работать в нагере по найму. Он мснр всегда поддерживал морально. Я же ему благодарен за большее. Если бы не его профессионализм, то мы бы потеряли дочь. Он спас ее...

* * *

...Оптимизм и уверенность в торжестве добра и справедливости давали стимул к жизни. Купил и двух поросят, двадцать цыплят. Устраиваем теплый тамбур и начинаем хозяйствовать. Работаю в почную смену в стройцехе столяром. Работаю вместе с заключенным. В конце января, в самые трескучие морозы, пришел приказ о ликвидации прииска Спокойный. И нас с Верой Степановной переводят на прииск Пятилетка. Предоставили жилье, где никакой возможности не было содержать домашних животных а птиц. Только что созданное хозяйство пришлось ликвидировать с большими убытками.

* * *

...В Пятилетке много знакомых. Директор прииска старший лейтенант Николай Михайлович Подколзин. Москвич. Его я знал по прииску Штурмовой. Главным бухгалтером был Петр Иванович Кравчина. Очень интеллигентный человек. Ко всему персоналу, относился с заботой а вниманием. Вера Степановна работала экономистом в плановом отделе, а я — бухгалтером с исполнением обязанностей финансиста прииска. Петр Иванович добился у органов госбезопасности постоянного пропуска для моих поездок в Ягодный. Я часто ездил в Госбанк а управление. Жизнь наладилась. Даже дочка была устроена в садик.

Размеренную жизнь всколыхнуло событие мирового масштаба. Умер «отец всех народов» И. Сталин. Все пришло в движение. Всюду граур, слезы, скорбь. После обеденного перерыва состоялся тра-

урный митинг, который открыл заместитель начальника по политической части капитан Пугачев. После краткого выступления стал предоставлять слово по списку. В бухгалтерии работали все бывшие заключенные. Поэтому слово от нашего коллектива было предоставлено молодому специалисту, девушке финансисту. Все выступали с заранее заготовленными и проверенными текстами. В спешке девушка текст выступления оставила на рабочем столе. Подошла к президиуму а, улыбаясь, обратилась к замполиту с просьбой разрешить ей сходить в бухгалтерию за бумажкой. Замполит помрачнел и, едва сдерживая гнев, произнес: «Идите». Митинг продолжался недолго.

Утром следующего дня меня вызвал замполит.

— Как самочувствие? Имею в виду в связи с кончиной вождя партии а советского народа.

— Как все советские люди, выражаю глубокое соболезнование. Особого мнения никогда не имел ^{ki} не имею.

— Насчет *sac* пусть разбираются соответствующие органы, а вот девушка, молодой специалист, работающая непосредственно под вашим руководством, в обстановке всемирного траура позволяет ^{не} серьезные выходки: улыбки, забыла запись текста выступления. Как вы все это оцениваете?

— Выражаю по этому поводу сожаление. Никакого отношения к ее поведению не имею. Она совершеннолетняя барышня, ^{ki} на эту тему переговорите с ней лично...

На этом разговор был окончен, но он оставил неприятный осадок, — проверяют, провоцируют...

...Смерть Сталина дала повод для размышлений. Каких ждать перемен? В какую сторону? Время наступило тревожное. Ночи мучали бессонницей. Мне с «волчьим билетом» ожидать хорошего нельзя было. Понимал, что в моем положении не рассуждать, а жить надо одним днем. Все определено — никакого будущего. Жалоб ^{на} написано уже достаточно. Ответы однозначны: вы осуждены правильно. Но все же я решил написать в газету «Правду». Через пару месяцев получил ответ, что моя жалоба направлена Генеральному прокурору СССР. Это для меня было потрясающей новостью. В сентябре 1953 года еще одно письмо отправил на имя Н. С. Хрущева.

* * *

В начале 1954 года нас перевели на прииск имени Горького. Перу Степановну назначили начальником планового отдела прииска. Меня определили бухгалтером по трюсу. Главный бухгалтер прииска Александр Григорьевич Фурман, тоже бывший заключенный, ко мне отнесся с недоверием. Дал указание: в порядке испытания поручил провести ревизию на пекарне.

Прихожу. Знакомлюсь с заведующим Рыбаковым. Осматриваю хозяйство. В кладовой числится более тридцати тонн муки. Не верю. Надо взвешивать. Рабочих нет, пекари заняты. Заведующий предлагает в акте все записать по книжному остатку. Не соглашаюсь. Старший бухгалтер Иванова, узнав о моей настойчивости, пристально посмотрела на меня и сказала:

— Вы хотите муку взвешивать? Зачем? Думаете, здесь жулики работают?

Я промолчал. Вызвали к главному. Фурман возражать не стал. Позвонил главному инженеру прииска и попросил дать рабочих для взвешивания муки.

Взвешивание произвели в присутствии комиссии. Недостача — двенадцать тонн муки. По деньгам — более тридцати тысяч рублей. Утром второго дня представил акт в бухгалтерию. Иванова, ознакомившись с актом, с усмешкой обратилась ко мне:

— Уто вы тут понаписали?

Она дважды повторила вопрос. Я ничего не ответил. Через некоторое время объяснялся с главным бухгалтером. К проверке — никаких претензий. И главбух сказал:

— Надо срочно проверить наличие муки в центральном складе. Какая-то путаница...

На складе оказалось более трехсот тонн муки. Пришлось перевешивать на пятидесятиградусном морозе. Здесь тоже обозначилась довольно внушительная недостача. Тут вмешалась центральная бухгалтерия. Крутили-вертели. Путем различных манипуляций с применением максимальных норм естественной убыли недостача была сведена до семи тонн. Так началась моя ревизорская работа на новом месте. Ездил по магазинам, столовым, складам, кладовым с проверками. Крупных недостач не было. Но мелкие недостачи все же после

каждой проверки были. За это замечания мне не делали, но определенное отношение со стороны главного бухгалтера я чувствовал. Как-то он меня стал поучать, что при обнаружении недостачи можно позволять погашать ее наличными деньгами торговавшего. Без отражения в акте. Чтобы, мол, не портить отчетные показатели. Я на это ничего не ответил и продолжал действовать по-своему. Вскоре был переведен бухгалтером в расчетную часть, так закончилась моя ревизорская карьера в системе торговли.

* * *

...В сентябре 1954 года всех ссыльных вызвали в контору прииска и объявили, что завтра нас доставят в спецкомендатуру поселка Таскан и объявят об освобождении. Опять бессонная ночь ожидания.. .

...Без особых предисловий спецкомендант лейтенант Исаев объявил, что по решению правительства от 16 июля 1954 года мы все освобождены. Открыл сейф, достал наши документы и роздал. Об удостоверениях сказал: можем оставить себе на память. Но нет — мы все сдали эти страшные «сувениры».

Был выходной день. Комендант, как никогда, был к нам благосклонен. Договорился с заведующим складом; чтобы нам отпустили водки.

Без особых хлопот купили небольшого поросенка и устроили праздник освобождения! День провели весело.

...Несмотря на все, 39-я статья отметкой в паспорте оставалась. Местожительство ограничено. Получил ответ из прокуратуры ССС: «Ждите решения Верховного суда СССР». Судили меня не судебные органы, а реабилитировать должны судебные. Почему? Надо было терпеливо ждать начало конца. В неволе прошло 18 лет. Весной 1955 года решили ехать в отпуск на «материк» и попытаться найти ответ в Верховном суде СССР.

...Шестьсот километров на машине до Магадана. Самолетом до Хабаровска. Поездом — до Москвы. Знакомых нет. Решили идти в ближайшую гостиницу. Ею оказалась гостиница «Ленинградская». Предъявили паспорта. Администратор — с вопросом:
— Вы из Магадана?! У нас есть люкс. Пойдете?

Это был праздник! После столь страшных дорожных мытарств и всего пережитого оказаться в роскошном номере! Хотелось себя ущипнуть — не во сне ли все происходит? И постоянно, тревожила мысль: в паспорте отмечена 39-1 статья — вдруг кто заинтересуется?

Только задремал, телефонный звонок:

— Это говорит дежурная по этажу. Подойдите, пожалуйста, к мне.

Рот и всё. Не зря тревожился. Будут выселять. Жене сказал: «Наверное, меня из-за злосчастного пункта выселят. Вы же оставайтесь здесь. Ночевать буду на вокзале, а днем буду приходить к вам».

Подхожу к дежурной.

— Вы телевизор выключили? — спросила она.

— Да.

— Тогда все в порядке...

В недоумении постоял несколько секунд, повернулся и пошел в свои роскошные апартаменты с мыслью: сколько же есть способов издевательства над людьми!

Долго приходил в себя. Завтра предстояло свидание с прокурором.

* * *

Утром всей семьей двинулись на Пушкинскую, в прокуратуру СССР. Кабинетов множество. У входа в каждый висят списки записывающихся на прием. Просвета нет. Встал около одного кабинета. Затем безо всякого вызова, вошел и положил на стол письмо, которое заранее заготовил. В это время за моей спиной появился милиционер и схватил за руку. Хозяин кабинета несколько растерялся, потом сказал дежурному: «Оставьте». Прочитал письмо.

— Почему вошел без очереди?

— Я восемнадцать лет отбыл на Колыме. Год прошел, как я получил вот эту бумагу, по которой я должен ждать ответа от вас... На улице меня ждут жена и маленький ребенок. Неужели я и здесь должен днями выстаивать очередь?

— Идите в 8-й кабинет, там вам все расскажут.

— Там огромная очередь. Без вашей помощи пройти не смогу.

Прокурор нажал кнопку. Вошел милиционер. Он дал ему указание проводить меня в кабинет №8. Там мне сказали, чтобы я шел

на улицу Воровского, 13. Я опять с просьбой, чтобы помогли миновать очередь. Заверили, что меня встретит дежурный и проведет.

...Меня встретил дежурный в военной форме. Справка обо мне лежала давно готовой на столе у начальника приемной. В ней было сказано, что постановление тройки НКВД Западно-Сибирского края и постановление особого совещания при министре госбезопасности в отношении меня отменены, делопроизводство прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения. Начальник, вручая справку, сказал:

— Издано специальное постановление. Пройдите в юридическую консультацию, вам расскажут о ваших правах...

О чем я подумал в первый момент? Вспомнил дежурную по этажу гостиницы «Ленинградская».

Так закончилось второе наказание без преступления.

КОЛЫМСКОЕ ЗОЛОТО

Золотой запас как главный показатель экономической устойчивости и мощи любой страны не может не интересовать российскую общественность. Журналы и газеты полны публикаций о золоте. Оно и понятно, ведь это — одна из важнейших областей нашей экономики. Все годы советской власти сведения о золоте были запретной темой, доступной только ограниченной группе лиц высшего руководства страны. И вот, добравшись до необъятной гласности, весь пишущий люд бросился «разрабатывать» тему со своим анализами, прогнозами и рекомендациями. Статья в «Российской газете» от 12 и 14 октября 1993 года Бориса Сопельника «Агония желтого дьявола» — весьма характерный пример. При этом все взоры устремляются на Колыму и Чукотку. Понятно, что возрождение рыночных отношений требует много золота, а добыча его с каждым годом снижается, а каких-либо радужных перспектив на будущее не видно. Вот и получается: каждый из знатоков золотых дел предлагает свои рецепты реанимации умирающей отрасли. Основная масса авторов сходится во мнении, что только старательская добыча спасет положение, потому что это дешево и рационально.

Перечитывая все, что публикуется о золоте Колымы и Чукотки, мне, человеку, по воле судьбы сорок лет трудовой деятельности посвятившему этой некогда секретно-таинственной отрасли, становится

ни грустно и страшно за нашу короткую память и невежество. Тема колымского золота сложна и таинственна. Строжайшая секретность всего, что связано с Колымой и золотом, сделала свое дело: вместо исторической правды возникли мифы и легенды, разного рода небывшие об изобилии и дешевизне колымского золота. Негласный расчет себестоимости золота, добываемого в нашей стране, позволяет считать, что дешевого золота у нас не было никогда, даже тогда, когда на приисках Колымы что называется золото «гребли» лопатами.

А потому, когда в стране все экономические показатели стали общедоступными, появилась возможность вопросы колымского золота рассмотреть в исторической связи. Его прошлое может оказаться тем ключом, которым можно попытаться разгадать многие современные проблемы.

С начала 30-х годов для разведки и добычи колымского золота был задействован огромный военный и карательный потенциал страны: ОГПУ, НКВД, государственная безопасность, вооруженные силы. На эти цели были направлены огромные материально-технические ресурсы, задействованы железнодорожный транспорт, Дальневосточное морское пароходство. Надо было по всей стране воздвигнуть сеть пересыльных лагерей и под дулами пулеметов и лай сторожевых овчарок в сопровождении военного конвоя, в товарных вагонах, а затем в трюмах грузовых морских теплоходов доставить сотни тысяч ни в чем неповинных людей.

О точной численности заключенных колымских лагерей того времени до сей поры официальных сведений нет. Неизвестно, сколько было всего завезено заключенных на Колыму, сколько живыми и инвалидами вывезено, а сколько умерло и погибло в забоях и лагерях или просто расстреляно.

Но всякое тайное со временем становится явным. Один пенсионер, бывший высокопоставленный унновник колымских лагерей, занимавшийся интендантским обеспечением, в состоянии ностальгического стресса обмолвился, что среднесписочная численность заключенных с 1937 по 1945 год была на уровне от 250 до 300 тысяч человек и 35—40 тысяч солдат и офицеров охраны. Смертность и гибель людей были огромны. Отсюда можно составить людской баланс. Постоянный, определенный уровень численности поддерживался регулярными рейсами теплоходов: «Кулу», «Джурма», «Днепрострой», «Индибирка» (затонул в декабре 1939 года по пути во

Владивосток с заключенными-инвалидами — погибло около тысячи человек), «Сучан», «Ф. Дзержинский». Каждый за одну навигацию совершал 5—8 рейсов с 2—5 тысячами «пассажиров»-невольников в трюмах.

Здесь нет одного из главных показателей: сколько человек погибло в результате всей этой карательной кампании. Чтобы вычислить эти данные, необходимо вспомнить всю историю освоения Колымы и ответить на вопросы: что делали и в каких условиях жили, работали и умирали заключенные в борьбе за золото Колымы. Здесь тоже много фальсификации. У большинства авторов новейшей истории упоминание о лагерях и труде заключенных сведено к бандитским разборкам с заточками и пиками, издевательствам уголовников и лагерной администрации. Прочитав «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, люди задают вопрос: что же конкретно делали люди в лагерях, и работали ли они там вообще? Не потому ли это происходило, что кто-то мог расценить описание труда заключенных прославлением каторжного труда? Но ведь именно заключенные Колымы добыли более тысячи тонн золота. Заключенные, а не руководители карательных органов, которым ставили памятники. В Магадане, в городе, построенном каторжниками, в честь пятидесятилетия воздвигнут памятник одному из главных сатрапов ОГПУ и НКВД СССР, кадровому чекисту, основателю и создателю концентрационных лагерей в СССР Эдуарду Берзину. Это он организовал челночные рейсы перевозки людей в задренных твиндеках грузовых теплоходов.

Именно здесь, в душегубках теплоходов, начинались жизнь и смерть во имя золота.

Для добычи золота предстояло обнажить золотonosный пласт в долине реки Штурмовой. Это открытые забои, простирающиеся на 40—50 километров. На этом расстоянии располагалось три лагерных пункта. Мы прибыли в разгар вскрышных работ. Мощность забоев от двух до пяти метров по всей продуктивной площади. Вся механизация этих огромных по масштабам горных работ состояла из лебедки, приводимой в действие движком «Червонный прогресс».

...Многотысячный контингент заключенных заготавливал, вывозил, сплавлял, распиливал вручную и всю колымскую промышленность обеспечивал лесоматериалами. Особенно ущербным был сплав леса по порожистым и таежным рекам. Молевой сплав сопровождал

ей настоящей трагедией для заключенных. Тысячи людей в ботинках, ватных брюках и телогрейках, по пояс в ледяной воде орудовали бригадами, разбирая заторы на перекатах и излучинах рек. Люди то и дело умирали от переохлаждения, потому что не было условий ни перебраться, ни сушиться. Несмотря на огромные человеческие жертвы, лес доставлялся любой ценой, и строительство горнотехнических сооружений к промывочному сезону своевременно обеспечивалось.

Я пробыв в колымских лагерях на самых тяжелых физических работах девять лет. Могу утверждать, что с удивительной покорностью трудились десятки тысяч заключенных. Работали честно, добросовестно. Контингент состоял из всех сословий общества: бывших рабочих, инженеров, колхозников, военных советской и царской армии, бывших руководителей советских и партийных органов, заводов и фабрик. Не было ни прогулов, ни забастовок и тем более каких-либо акций неповиновения. Все это, кстати, невозможно объяснить только страхом жестокого наказания.

Во второй половине мая ежегодно «торжественно» начиналась золотая страда. Труд забойщика был самый тяжелый, и мало кто выдерживал его до конца сезона. Прииск Штурмовой был создан на одном из богатейших месторождений россыпного золота. Попадались самородки, их разрешалось поднимать и сдавать горному смотрителю, если вес превышал пятьдесят граммов. Самородки менее этого веса бросали в тачку. Случались дни, когда поднимали до двадцати самородков.

На добыче золота повсеместно использовался шлюзовой метод промывки. Все промытые объемы горной массы состояли на учете как техногенные запасы. Их объемы на Колыме и Чукотке огромны, это миллиарды кубометров. Извлечение золота из этих запасов требует технического совершенства процесса и высокопроизводительной землеройной техники. Хуже дело с производственно-эксплуатационными потерями: они тоже значительны и, по всей вероятности, безвозвратны. В конце промывочного сезона на приисках создавались группы для лотошной промывки золота на отработанных полигонах. На эту работу привлекались добровольцы — прообраз старателей, только в лагерном исполнении. На отработанных забоях надо было намывать сто граммов золота в день, за это получали забойный паек хлеба. Бывали дни, когда, наткнувшись на богатые

прожилки в бортовых спаях или «карманах» в подошве забоя, мы намывали за день килограмм и более. Много золота оставалось на границах отработанных полигонов. Это были обычно высокие карьеры, заваленные пустой породой, и чтобы добраться до россыпей, надо было выбросить огромный объем грунта. Однажды мы рискнули — прокопали узкую траншею к целиковому спам. Работали почти сутки. Набрали один лоток спайной породы. Поднесли к воде и, разделив на несколько «порций», промыли. Из этого лотка намыли 780 граммов отличного золота. Больше подобной работой не занимались — слишком велик был риск.

Если учесть, что подземным способом обрабатывались только глубоко залетающие и богатые россыпи и что только на прииске Штурмовой отработано более ста шахт, то нетрудно представить, сколько тонн золота осталось в «тумбах» и коридорах шахт всей Колымы. Однако точной цифры не знает никто, и едва ли она отражена в маркшейдерско-геологической документации. Со временем шахты затопило водой, лавы и штреки обрушились, и некогда разведанные сокровища оказались похороненными, возможно, навсегда. То же самое можно сказать об остатках золота в бортах, подошвах отработанных открытых забоев. Это золото потеряно из-за халатности или безответственности? Вероятно, причина в издержках той общественно-политической системы, которая существовала в тот период на Колыме. Ведь, начиная от забойщика, горного смотрителя и начальника участка, все были заключенными, для которых главным показателем было не количество добытого золота, а объем переработанной горной массы и отбытый срок.

Так прошел первый этап освоения уникального колымского месторождения. Уровень добычи золота — более ста тонн — был достигнут в 1941 году, и он оказался максимальным за всю историю освоения этого месторождения. К середине 40-х годов поток поступлений принудительной рабочей силы — «врагов народа» — иссяк: шла война. Но образовались прииски с вольнонаемной рабочей силой. Таким образом, основную демографическую массу новой Магаданской области составили бывшие заключенные.

Переход приисков на вольнонаемный состав оказался процессом весьма болезненным. Во-первых, военно-политическое руководство производством, состоявшее из некомпетентных, малограмотных начальников, привыкших к лагерной дисциплине труда, оказа-

люди неспособным выполнять новые задачи. Во-вторых, появление относительно свободных людей вызвало новые заботы по их социально-культурному и жилищному обеспечению. Встал вопрос о создании гражданской инфраструктуры, для чего надо было строить дома и по-новому организовывать производственный процесс. Главной проблемой колымской золотодобычи стала механизация горных работ. Вольнонаемного рабочего за тачку не поставишь. Первые бульдозеры американского производства — катерпиллеры появились в 1947 году. Многокилометровые водоводы и деревянные шпунты с желобами заменили гидравлические насосы. Появились цинкومتаллические промприборы, гидроэлеваторы, позднее — драги.

Изменилось и государственное устройство Колымы. Военно-политическое всевластие НКВД и государственной безопасности постепенно отступило, образовались партийные и советские органы власти. Вместо военизированных горных управлений возникли горно-обогатительные комбинаты с гражданским руководством. В связи с переходом приисков на вольнонаемный состав работников усложнились решения многих производственных проблем. Возникла необходимость создания старательских артелей при приисках и горно-обогатительных комбинатов. В кратчайший срок Советом Министров были утверждены устав и положение о старательской добыче золота. Артели стали работать по договору с прииском. Удельный вес их добычи в 60-е годы составил до 20 процентов государственной добычи.

Краткий исторический экскурс в прошлое Колымы позволил мне конкретно выразить мнение о цене колымского золота. Себестоимость его никогда и никем не была оценена в денежном выражении. Манипуляция с планированием себестоимости, рентабельности, цен производилась финансовыми службами по строго секретным каналам. Вся информация на эту тему была уголовно наказуема. Оно и понятно, ведь в составе себестоимости этой таинственной продукции есть компоненты, которые вообще не подлежат денежной оценке. Например; сколько стоит человеческая жизнь? Или: в какую сумму можно оценить горе и слезы отцов и матерей, вдов и детей этих ни в чем не повинных жертв? Наконец, сколько стоит создать на Крайнем северо-востоке России, в зоне вечной мерзлоты, государство, по площади равное Западной Европе?

Каким количеством золота все это можно окупить?! Здесь нужны другие критерии — морально-этического плана. И наконец, мы в неоплатном долгу перед жертвами, о численности которых даже боимся сказать народу. А они, эти жертвы, лежат в наспех вырытых ямах с привязанными к ногам деревянными бирками, в зоне вечной мерзлоты. Наверное, пора «отстегнуть» из государственной валютной мошны определенную сумму для обустройства этих могил.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР

Возвращение на родину Александра Исаевича Солженицына, радушные встречи его в разных уголках России — свидетельство позитивных и необратимых изменений в нашей действительности. Его триумфальное путешествие по стране обрело мировой резонанс. Боевой офицер, переживший тюрьму, позорное изгнание за пределы Родины, стал истинным героем страны, в которой он был первым среди восставших против тоталитаризма, произвола, идеологического оглушения людей.

В Воронеже писателя Солженицына ждали с нетерпением. И вот — встречи, беседы, выступления... Ждали столь высокого гостя и мы, бывшие жертвы политических репрессий. Ведь трехтомный «Архипелаг ГУЛАГ», написанный о нас, живых и мертвых свидетелях тех событий, по воле автора был вручен каждому из нас. Но, думаю, не просто же на память... Наши отзывы, воспоминания, оценка тех трагических лет, их критическое осмысление могут дополнить начатое Солженицыным. Многое может быть сделано только нами, оставшимися в живых. Уверен, что встречи с нами должны были бы внести некоторые поправки в «Архипелаг ГУЛАГ» и определить дальнейшую судьбу этого фундаментального произведения. После нашего прочтения автор только больше обрел бы славы и уважения. Считаю уместным процитировать из «Московских новостей» (№21 от 1994 г.) выступление эмигранта Довлатова: «Мы восхищаемся Солженицыным и поэтому будем критически осмысливать его работу. Слишком ответственна фигура политического реформатора. Слишком дорого нам будущее России».

К великому сожалению, долгожданная встреча не состоялась. Кумир от нее отказался. Это не обида бывшего лагерника. «Слишком дорого нам будущее России», — из этого исходит и моя горечь.

Лигерная тема в российской новейшей истории — одна из самых объемных и загадочных. Правильное осмысление и освещение всех обстоятельств периода создания и функционирования огромного, небывалого в мире карательного механизма не под силу одному человеку. И если господин Солженицын считает изданием «Архипелага» тему исчерпанной — это наивно и несерьезно. Всякая попытка в одночасье написать правдивую историю лагерей — невообразимая затея. Но... «Архипелаг» живет, издан огромными тиражами. Он становится чуть ли не учебным пособием.

Автор не располагал документами архивов. Главным источником, 110 словам писателя, были рассказы а воспоминания 227 бывших заключенных различных лагерей бывшего Советского Союза. Не следует забывать, что не последнее место в подобных воспоминаниях занимает эмоциональный фактор. Рассказывать страсти-мордасти умеют многие. Особенно побывавшие в местах не столь отдаленных. Поэтому мне а хотелось при встрече с автором задать очень существенный вопрос: в чем заключался «опыт художественного исследования», о котором сказано на титульном листе книги? По каким источникам можно было исследовать? А поэтому с, читатель, вправе считать книгу просто сборником воспоминаний с субъективной оценкой того, кто эти воспоминания обработал.

В книге приведены многочисленные случаи тюремно-лагерной преступности, произвола лагерной администрации к следственных органов. По всем разделам разгул уголовно-деклассированных элементов среди заключенных, отбывавших срок по политическим статьям.

Прочитал объемный труд и не получил ответа на важнейшие вопросы: что такое концентрационные лагеря? что это за структура? для чего они создавались и какое место в судьбах людей занимали явления, описанные в книге? работали заключенные или нет? если работали, то что они делали?

Автор понял задачу однозначно: всякие сведения о труде заключенных есть восхваление рабского труда. Поэтому без проникновения в суть а объяснения своей позиции книга о Беломорканале, написанная известными писателями во главе с Максимом Горьким, признана «позорной». Солженицын считает, что заключенные не способны к сознательному и производительному труду. Причины? Вот они: «Первая и главная — несознательность заключенных, неради-

вость этих тупых рабов... Все, что лагерники делают для родного государства, — откровенная и высшая халтура...»

Открытие! Проработав на самых тяжелых физических работах по добыче золота, оказывается, я не знал, что был несознательным, нерадивым, тупым рабом и занимался откровенной и высшей халтурой. А сотни тысяч высококвалифицированных рабочих, инженеров, ученых?! Вспомним всемирно-известного конструктора космической техники Королева, авиаконструктора Туполева, член-корреспондента Академии наук СССР Богданова... Халтурщики?

Как и при каких обстоятельствах были завершены такие грандиозные стройки, как Беломоро-Балтийский канал, Байкало-Амурская магистраль, Норильский горно-металлургический комбинат и целое «государство» на Северо-востоке страны — Колыма? Создавали несознательные, тупые халтурщики?

Мы были не только жертвами, но и героями. Только один пример... Колыма на голом месте во время войны. Стране было не до Колымы. В феврале 1943 года нас, 250 заключенных, из поселка Ягодный направили на прииск Джалгалу на строительство гидростанции. С нами — ни одного работника лагеря, ни одного охранника. Установили палатки и начали работу. В русле речки соорудили дамбу, построили деревянные плотки из бревен с сечением водостока 1х2 метра, протяженностью в три с половиной километра. Сброс воды турбинами по трем металлическим трубам пошел в начале мая. Станция была пущена. Без всякого принуждения мы работали по 10—15 часов в сутки. Проект, строительство, монтаж — все сделали заключенные. Один из участников этого строительства проживает в Воронеже — Филипп Георгиевич Ласточкин. Он монтировал электрическую часть этой станции. Инженер, окончил Харбинский технический вуз... Таким же способом в 1944 году в кратчайший срок была построена Утинская золотоизвлекательная фабрика. Это надо не забывать, а осмысливать...

Автор показал не только полное незнание предмета «исследования», но проявил неуважение к памяти многострадальных жертв тоталитарного режима.

«Колыма была самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛАГ... которую и населял народ зеков». Это единственная правда, которую поведал автор миру о Колыме. В трехтомном произведении Колыме посвящено всего

около шести страничек, изобилующих множеством искажений, несправедливостей, порой настоящим враньем.

«Красные эшелоны всегда выгодны, когда где-то пересылка переполнена — и вот можно отправить сразу большую массу арестантов... В тридцатые годы так заселялась Колыма: каждый день изрывали такой эшелон до Совгавани, до порта Ванино столица нашей Родины Москва». Эшелоны с заключенными в тридцатые годы шли по всем концам страны во Владивосток, где был лагерь-накопитель. А порты Ванино и Совгавань были построены лишь в 1941 году.

«В парохонах, идущих на Колыму, устраивается все похоже, как в баржах, только все покрупнее. Еще и сейчас, как ни странно, сохранились в живых кое-кто из арестантов, этапированных туда с известной миссией «Красина» весной 1938 года в нескольких старых пароходах-галошах — «Джурма», «Кулу», «Новострой», «Днепрострой», которым «Красин» пробивал весенние льды». Автор недоговаривает: как возили людей на баржах? Дело в том, что весь период освоения Колымы заключенных возили в трюмах грузовых теплоходов с глухо задраенными люками. В зависимости от устройства грузовых трюмов устраивали многоярусные нары. Насчет старых «пароходов-галош» — перехлест. Теплоходы «Джурма», «Кулу», «Днепрострой» были приобретены правительством для освоения Колымы в 1935 году в Голландии. Они были приданы Дальневосточному морскому пароходству. Теплоход «Джурма» эксплуатируется до настоящего времени. О теплоходе «Новострой» не слышал. Был ли такой? Теплоход «Кулу», специализированный корабль-кабелеукладчик, был переоборудован для перевозки заключенных. В кабельных трюмах были устроены трехэтажные нары. В средней части установили емкости для санузла. Я был этапирован этим теплоходом восьмым рейсом 1937 года. Номер рейса и название теплохода указаны в личных делах всех колымских заключенных.

Всего курсировало на маршруте Владивосток — бухта Ногаево семь-восемь судов. В том числе «Феликс Дзержинский», «Сучан», «Индибирка» (затонул в декабре 1939 года с инвалидами и больными заключенными в проливе Лаперузо у острова Сарафу). Каждый из них выполнял семь-восемь рейсов в навигацию, восполняя «естественную убыль» колымских заключенных.

«Из воспоминаний Ивана Семеновича Карпунича-Бравена» (бывшего комдива 40 и комкора 12, недавно умершего). На Колыме

установился жесточайший режим питания и наказаний. Заключенные голодали так, что на клочке Заросший съели труп лошади, который пролежал в июле более недели, вонял и весь шевелился от мух и червей. На прииске Утином зеки съели полбочки солидола, привезенного для смазки тачек. На Мылге питались ягелем, как олени... Многочисленных доходяг, не могущих идти на работу, тащили санями другие доходяги, еще не совсем оплывшие. Отстающих били палками и догрызали собаки...» «Сам Карпунич испытал и «холодное бурение» двухметровым стальным буром, и отвозку «торфов» (грунт с щебенкой и валунами) при 50 градусах ниже нуля на санях, в которые впрягались четверо (сани были из сырого песка, и короб на них — из сырого горбыля): пятым мен при них толкач-уркач, отвечающий за выполнение плана, и бил их дрынком. Не выполняющих норму (а что значит — не выполняющих? Ведь выработка пятьдесят восьмой всегда воровски переписывалась блатным). Начальник лагпункта Зельдин наказывал так: зимой в забое раздевать донага, руки назад привязывать к общей жерди и выставлять под тучи комаров (охранник стоял под накомарником). Наконец, и просто били прикладами и бросали в изолятор».

Следующая страница. «На ОЛПе экспедиционном Южного Управления невыполнение норм наказывалось еще проще: начальник ОЛПа лейтенант Григорьев мен на прииск с пистолетом — а там каждый день пристреливал двух-трех невыполняющих. (Вспоминает Томас Сговио)».

Меня доставили на прииск Штурмовой в конце ноября 1937 года. После необходимых медицинских и прочих процедур был определен в забойную бригаду Чушгова Василия Кузьмича. Работали на зимней вскрыше торфов. Вскоре познакомился с упомянутым Карпуничем. Он был бригадиром слабосильной команды. Они занимались хозяйственными работами. Ключ Заросший — один из ближайших к лагерю участков.

Не могло быть, чтобы сдохшая лошадь валялась в забое. На приисках за лошадьми ухаживали бывшие крестьяне. Лошади содержались в отличных условиях. Работа конюха считалась престижной и легкой. Чтобы доходяг тащили санями другие доходяги и еще били палками и отставших догрызали собаки?! Несусветная чушь. Во-первых, на приисках никаких собак не было. Во-вторых, зачем

нужен на производственном объекте доходяга, привезенный на санках?

То, что Карпунич испытал бурение, возможно. Для разбуривания накладными бурками негабаритных глыб изредка привлекали рабочих из слабосильных команд. Для нас, забойщиков, эта работа считалась легкой, где можно перекурить, отдохнуть. В забое такой возможности нет. Там отлаженный конвейер, мехдорожка, которую надо обеспечивать груженными коробами на санках. Несуветное иррише и об «отвозке торфов», в которую впрягались четверо и пятый бил их дрыном. По всей Колыме вскрышные работы производились мехдорожками. Звенья по два человека загружали деревянные короба, установленные на санках, по ледяной дорожке подвозили к гросу, подцепляли, затем в конце отцепляли и подвозили обратно иррожняк к будущему забою. Таким способом готовились зимой полигоны для летней промывки золота. Так перевозили миллионы кубометров горной массы. Где, кто и когда видел, чтобы блатные работали в забое и выполняли роль палача или охранника? На приисках Колымы работали десятки тысяч забойных полигонов. Сколько надо было блатных с палками, чтобы бить и подгонять каждое звено? То же самое вранье и с перезаписыванием объемов горных пород от рабочих пятьдесят восьмой блатным.

О лейтенанте Григорьеве. Самовольных расстрелов не было нигде. Особенно со стороны начальника лагеря это немислимо. Была жесточайшая административная дисциплина. Если бы Григорьев подобное допустил, немедленно предстал бы перед военным трибуналом. Эпизоды с раздеванием на морозе и обливанием холодной водой, выставление привязанных на съедение комарам — выдумки садиста. Зельдина я знал. Это был интеллигентный человек. Долгое время после всех «лагерных» лет работал на колымских предприятиях. От зеков, бывших под его началом, я ничего подобного не слышал. Если бы такое было — с Колымы бы человек сбежал. Возмездие последовало бы.

Открываем том второй, часть третью, главу двадцать вторую, страницу двести седьмую: «Как ни планируй земляные работы — редко они в лето приходятся, а всегда почему-то на осень да на зиму, на грязь да на мороз. Или вот, на ключе Заросшем прииска Штурмовой (Колыма в вечной мерзлоте. В марте 1938 года поставили 500 человек бить шурфы 8—10 метров. Сделали. Половина зеков подох-

ла). Надо бы взрывать, так раздумали: низкое содержание металла. Покинули. В мае затекли шурфы, пропала работа. А через два года опять в марте в колымский мороз хватились: да шурфовать же! Да то самое место! Да срочно! Да людей не жалеть! Да это расходы лишние!»

О ключе Заросшем я уже говорил. Особенность этого месторождения заключалась в том, что оно располагалось в узком распадке. Очень богатое месторождение! За три года было полностью отработано. Массовая шурфовка с использованием такого количества рабочих-шурфовщиков одновременно на прииске Штурмовой не проводилась вообще. Все — фантазии людей, далеких от горного производства. Что такое шурфовка? Это вертикальная горная выработка сечением 100x120 см. На проходке каждого шурфа занято по два человека. Грунт извлекается ручным воротом. Эти работы относились по трудоемкости к труду средней тяжести. Так что «подохнуть» там было невозможно. К тому же такие работы там не имели место вообще.

...На этом можно закончить анализ фактов, преподнесенных некомпетентным автором. Но считаю своим долгом сообщить некоторые основные данные о Колыме и ее истории.

В начале тридцатых годов для разведки и добычи колымского золота был задействован огромный военный и карательный потенциал страны, направлены огромные, материально-технические ресурсы, мобилизованы железнодорожный транспорт, Дальневосточное морское пароходство... Надо было по всей стране создать сеть пересыльных лагерей. Сотни тысяч людей были объявлены «врагами народа» и дешевой силой брошены на добычу золота.

О наличии золота в этих краях, как я уже упоминал, в России знали давно, но использовать для его добычи каторжный труд соотечественников решились только руководители советского государства. Было создано военно-политическое государство в государстве — Главное Управление Строительства Дальнего Севера. «Дальстрой». Рабовладельческое государство в социалистическом исполнении. Во главе его стоял Начальник. От комиссара госбезопасности до генерал-лейтенанта. Первым начальником-организатором был Эдуард Берзин (военное звание неизвестно), кадровый чекист, бывший командир латышских стрелков. По его инициативе были созданы Вишерские лагеря для строительства целлюлозно-бумажного комбина-

Он одновременно был и начальником 4-го отделения Соловецких лагерей особого назначения. Он по праву считался основателем и организатором первых концентрационных лагерей Советского Союза. Поэтому для создания Северо-восточных лагерей, по масштабу не имевших себе равных в мире, кандидатура Берзина была вне конкуренции. Сосредоточив в своих руках власть государственную, производственные и карательные структуры, он развернул такую активную деятельность, что это, по всей вероятности, вызвало беспокойство его высоких покровителей. И когда основная черновая работа была выполнена, в декабре 1937 года его арестовывают, а в августе 1938-го — расстреливают. Он оказался под ножом гильотины, которую так услужливо и умело монтировал. Я уже высказал выше свое возмущение тем, что в ознаменование памяти этого сатрапа руководители Магаданской области в год пятидесятилетия Магадана воздвигли бюст Берзина в центре города. За что? За бесчисленные жертвы безвинных!..

Затем начальниками «Дальстроя» были: старший майор госбезопасности, затем комиссар госбезопасности III ранга Иван Павлов, генерал-майор Иван Петренко (бывший начальник строительства Беломорканала), генерал-лейтенант Иван Никишов. На третьем Иване воинские звания у начальников «Дальстроя» прекратились. Последующие воинских званий не имели. Первого Ивана называли Грозным, второго — Мудрым, третьего — Непонятным. На период правления Павлова пришлось годы активной деятельности троек НКВД. Наказания определялись без суда и следствия. В августе 1938 года по Колыме прокатилась волна массовых расстрелов и назначения дополнительных сроков по приказам начальника «Дальстроя». В прииске Штурмовой за одну ночь было расстреляно 211 человек, за вторую — еще 63 человека. Приказы вывешивались на специальных стендах... В середине пятидесятых, когда начинались разбирательства среди руководства Министерства госбезопасности, Павлов в Москве покончил жизнь самоубийством.

Государство-лагерь занимало территорию, равную Западной Европе. О численности заключенных этого лагеря до сего времени нет никаких официальных данных. По интеллектуальному составу (более 50 %) это было самое богатое в мире государство. Именно этот состав спроектировал и создал совершенно новую индустрию и плотодобывающей отрасли.

И вновь тут придется вернуться к сказанному в предыдущих главах моей горькой повести — к тем моментам, которые не стыкуются со словами «Архипелага ГУЛАГ». Ведь чтобы добыть золото, надо промыть миллионы кубометров горной массы. Необходим непрерывный поток воды. Механических насосов нет. Нужны руслоотводы и водозаводные каналы, многокилометровые деревянные сплотки. Необходимы миллионы кубометров строевого леса. Лес на Колыме растет только по долинам рек. Гидрологический режим их крайне неустойчив. Молевой сплав возможен только в сентябре, когда идет обильный снегопад и начинается ход шуги. По пояс в воде, орудуя баграми, заключенные разбирали заторы, сплавливали лес по горным порожистым рекам. Обсушиться или обогреться негде. Эти работы уносили тысячи жизней. Живые завидовали мертвым. Всякие блатные разборки и произвол лагерной администрации — несерьезные выдумки, реальность страшнее и безысходнее.

Произвол троек НКВД не остался без внимания автора «Архипелага...»: «Расстрелы останавливались временами потому, что план по золоту проваливался, а по замерзшему Охотскому морю не могли подбросить новой партии заключенных... Кроме того, проступило жесточение в надбавке сроков. Гаврик на Мыльге оформлял это картинно: впереди на лошадях ехали с факелами (полярная ночь), а сзади на веревках волокли по земле за новым делом в райНКВД (30 километров)...». Видно, что весь этот эпизод происходит в зимнее время. Общеизвестно, что золото добывалось только в летне-осенний период. Общеизвестно и другое: Мыльга находится не за Полярным кругом — полярных ночей там не бывает. Здесь у бывшего преподавателя средней школы что-то неладит с физической географией. Под факелами на лошадях волочить на веревках людей 30 километров по морозу в 40 градусов для оформления нового срока? За 30 километров на тракторных санях полностью стираются стальные подрезы толщиной в 10 миллиметров. И еще: сколько надо палачей и лошадей, чтобы заниматься подобным издевательством? Все это выдано за «опыт художественного исследования». Но как бы то ни было — произведение стало всемирно известным.

Евгения Гинзбург, отбывавшая свой срок на Мыльге, Эльгене, Таскане, написала двухтомное автобиографическое произведение. Ничего подобного не упомянула. Я отбывал срок на Штурмовом —

ниже подобного не слышал. А вот Солженицын, отбывая срок на Красной Пресне, в центре Москвы, слышал.

Правдивая новейшая история нашей многострадальной страны не написана. До сих пор закрыты архивы. Не публикуются воспоминания бывших «врагов народа» — нет средств. Да уже принято считать: «Архипелагом» тема репрессий исчерпана. Наше арестантское поколение отсчитывает последние дни. Больно сознавать, что все мы унесем с собой...

...Многие представители нашего поколения, не подвергавшиеся репрессиям, не перестают утверждать, что не все было так плохо, как представляют бывшие репрессированные. Мол, не могли мы быть невинными. Не был виноват, не был арестован — и все...

...Сложно все. Очень сложно. Революция в России в кратчайший срок безграмотную страну с отсталой экономикой вывела на уровень передовых стран мира. Полностью была ликвидирована неграмотность... Многочисленные отсталые народы обрели письменность. Молодежь направлялась в вузы и техникумы и была на полном государственном обеспечении. К середине тридцатых годов среди нас, шорцев, около сотни человек стали инженерами, педагогами, врачами, учеными, писателями. В 1937—1938 годах их почти всех арестовали, объявили контрреволюционерами. Многих расстреляли, а остальные почти все погибли в лагерях Колымы, БАМа, Гайшета, Норильска.

Знакомясь с материалами своего «уголовного дела» №5309, прочитал определение военного прокурора Сибирского военного округа от 1956 года: «Постановление тройки НКВД от 19.08.37 года отменить и дальнейшее производство прекратить за отсутствием состава преступления». Трогательно! Будто бы справедливость торжествовала! А то, что люди погибли... Что поделаешь? Бывает. В констатирующей части этого документа сказано, что при пересмотре дела были допрошены бывшие работники НКВД, которые показали, что «в 1937 году аресты шорцев производились без всяких компрометирующих материалов. Дела на арестованных фальсифицированы».

Фантастический дьявольский круг! Миллионы людей, подвергшихся репрессиям, и весь прокурорско-следовательский персонал знали, что никаких контрреволюционных преступлений не было,

следовательно, нет и преступников, но, тем не менее, из этой пустышки получались «враги народа».

Это произошло в первой половине двадцатого века в стране, где существовали юридические правовые институты, где были провозглашены свобода, равенство и неприкосновенность личности. Так что есть закон? И как все это могло произойти? Так, видно, дело не в законе. В чем? Именно сегодня на эти вопросы надо дать ответы ученым, правоведам, философам, психологам. В стране опять много разговоров о законности и правах человека.

Для меня ларчик открывается просто. К середине тридцатых годов руководство советского государства поняло, что ключом к переустройству общества является принцип военно-политический. И пошло-поехало. Созданы ОГПУ, МГБ, НКВД, военизированная железная дорога, военная прокуратура; военная коллегия судов... Все эти структуры, одетые в военные шинели и гимнастерки, с воинскими званиями и привилегиями оказались над законом. Приказы не обсуждаются, а выполняются. Около ста шорцев никогда не служили в армии, а их дело рассматривалось военным прокурором. Какое это люди имели отношение к военной прокуратуре? Когда покойный генерал Ахrameев, выступая на заседании Верховного Совета, заявил, что военные никакого отношения к репрессиям не имели, — равно лукавил. Имели. Многотысячные воинские подразделения конвойных войск под прицелами пулеметов и винтовок, со сторожевыми собаками возили и охраняли ни в чем не повинных людей. Военные трибуналы и военные прокуроры занимались сугубо гражданскими делами. Невиданные в истории издевательства над собственным народом стали возможны только в результате перерождения гражданского государства в военную хунту.

Мне в лагере один старик рассказывал, что в России когда-то были папиросы под названием «Бойся рыжего». Не следует ли сегодня в память и в знак предупреждения выпустить папиросы или ваку «Бойся военного»?

А под «Архипелагом ГУЛАГ» черту подвожу так: политический памфлет, созданный в состоянии психологического кризиса.

Таковы мои замечания автору «Архипелага ГУЛАГ». А теперь о признательности ему за другое — за его усилия в деле восстановления моральных и материальных прав реабилитированных.

В «Российской газете» за 27 октября 1994 года выступил заместитель Председателя Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации А. Копылов с замечаниями по поводу выступления А. И. Солженицына по телевидению. Это дает нам, бывшим ученикам сталинских лагерей, возможность понять «кухню» решения высших судеб. Столь откровенное выступление опубликовано впервые за весь послесталинский период. Выскажу свое мнение по данному поводу...

Появление на российском горизонте Александра Исаевича для нас важно. Мировая слава писателя и политического деятеля многих вынудила откликнуться на его выступления. Если бы не он, то откуда бы нам знать, что есть комиссия, занимающаяся судьбами жертв тоталитарного режима.

Господину Копылову не понравились высказывания писателя о декларативности Закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Он считает, что реабилитированные граждане, «имеющие инвалидность или являющиеся пенсионерами, имеют право на достаточно широкий круг льгот, сравнимый с льготами для участников Великой Отечественной войны». Что же еще, мол, нужно этим бывшим зекам?

Цинизм и примитивное суждение правоведа. Во-первых, закон «О реабилитации жертв политических репрессий» был издан под жесточайшим давлением общественного мнения только в 1991 году. Затем многократно менялся, дополнялся. Потом оказалось, что правительство не желает его выполнять. И только в мае 1994 года было издано постановление правительства об утверждении положения о механизме применения льгот. Во-вторых, какое отношение имеют «льготы» репрессированных к льготам участников Великой Отечественной? Последние получают их за подвиги. У бывших жертв политических репрессий никогда не было никаких льгот и не может быть. Народ погибал бесчисленно. О том, что это был не в чем не повинный народ, знали следователи, прокуроры, судьи и руководители советского государства.

Российская Федерация признала все межгосударственные долги бывшего СССР. По логике следовало бы признать и долг перед соб-

ственным народом. Установили «льготы» только оставшимся в живых. За время пребывания в лагерях и тюрьмах выдали «зарплату» в размере двух третей минимальной заработной платы за каждый месяц. Спросить бы того юриста, который составлял проект закона: согласился бы он за такую плату отдать десять лет жизни за унижение, позор и за прозвище, «враг народа» с ежедневным каторжным десятичасовым рабочим днем в нечеловеческих условиях?!

У каждого из нас остались в неутешном горе отцы, матери, братья, сестры, жены, дети. Как оценить моральный ущерб, нанесенный им государством? Или мы напрочь отвергли общечеловеческие морально-этические ценности? Вот о чем надо было помнить правоведа А. Копылову. Льготы — это милость с барского стола. Нам не это требуется. Здесь имеет место признанная, неопровержимо доказанная ответственность государства за материальный и моральный ущерб перед собственным народом. Его размеры должны быть определены следующим образом: всем жертвам политических репрессий начислить и выплатить заработную плату за время пребывания в заключении ^{а3} расчета среднечасовой ставки забойщика четвертого разряда с учетом десятичасовой продолжительности рабочего дня без выходных. Должны быть учтены районные коэффициенты по регионам отбывания наказаний.

Моральная ответственность — начисленная зарплата за возмещение материального ущерба должна быть увеличена в десятикратном размере.

Суммы возмещения должны начисляться всем жертвам политических репрессий — живым и мертвым. За погибших компенсацию должны получить наследники. Если у государства нет средств, должны быть выданы, долговые обязательства или другие ценные бумаги с обозначением конкретных сроков погашения долга.

Необходим Указ Президента, обязывающий местные органы власти обустроить кладбища, где захоронены безвинные жертвы.

...«Льготы», установленные по указам и постановлениям правительства ^{к1} Президента, — мизерная доля. Прав Солженицын, когда говорит Об отсутствии механизма для реализации этих решений. Я обратился в местную администрацию с просьбой установить на квартире телефон — грубейший отказ. После этого трижды обратился с письмом к Президенту — никакого внимания.

Неужели работники президентского аппарата не ведают, что во всех сферах давно уже правит лохматая рука денежного чистогана? Установка телефона сейчас стоит полмиллиона рублей, а мы лезем к министрам с какими-то указами и постановлениями.

А постановление В. Черномырдина от 1 мая 1994 года «О погребении реабилитированных лиц в случае смерти за счет государства»? Деньги на погребение могут быть выданы только после смерти по предъявлении соответствующих расходных документов. На какие же деньги хоронить? Ведь чтобы получить деньги, сначала надо умереть. Чем не сюжет для сатирического выступления Михаила Задорнова?

Долг перед живыми и мертвыми жертвами не должен забываться — это чревато повторением трагедии. Поэтому решением этих вопросов (материальных и морально-политических) должны заниматься компетентные органы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	3
Мы будем счастливы. Гостев Р., Ефремов Э.	5
Арест	7
Дом предварительного заключения	9
Малая родина	14
Старокузнецкая тюрьма	18
Этап	22
Призраки	22
Последний этап	25
Забой	27
К большому золоту	28
Золотая страда	28
Опять забой!	34
Погребальный камуфляж	38
Секретная война	39
Строим новый участок	41
Опять лесосплав	45
Не было бы счастья, да несчастье помогло	46
Наказание	49
Ярмарка невест	49
На волю!	52
Колымская свобода	54
Колымское золото	74
Несостоявшийся разговор	80

КУСУРГАШЕВ Георгий Дмитриевич
Призраки колымского золота
Воспоминания

Корректурa и компьютерная вёрстка
Елены Воробьёвой

Тираж 10 экземпляров
Мыски
2010

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

